

НОВЫЙ СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ

**100
СЛОВ**

**«Уральский литератор»
Екатеринбург 1993 г.**

**НОВЫЙ
СОЦИАЛЬНО-
ФИЛОСОФСКИЙ
СЛОВАРЬ**

**100
СЛОВ**

**„Уральский литератор“
Екатеринбург 1993 г.**

ББК 15.5
Н 766

ISBN 5 - 86 193 - 004 - X

Этот словарь является **НОВЫМ** потому, что до сих пор в России таких словарей не издавали, потому, что в нем определены тенденции Новой социальной философии последней четверти XX столетия, потому, что в его терминах и понятиях выявляется прерванная связь между логикой социальных процессов и непосредственным бытием людей, социальной наукой к гуманитарным знаниям.

© Кемеров Вячеслав Евгеньевич – составление, общая редакция, статьи словаря (кроме указанных ниже).

Каримов Таптыг Хафиз-оглы – статьи: аномия, архетип, деконструкция, дискурс, интерсубъективность, маргинальность, натурализм, парадигма, письмо, понимание, постмодернизм, постструктурализм, рационализация, рекурсивность, репрезентация, рефлексия, символический интеракционизм, симулякрум, структурализм, текст, телесность, феноменологическая социология, этнометодология, эпистемы.

Матюшин Борис Германович – статьи: воспитание, образование, обучение.

Остарков Николай Александрович – статьи: локальность, модель ситуации, структурация.

Н 0302000000 – без объявл.
13³ (0,3) – 93

ББК 15.5

© Уральский литератор, 1993 г.

А

АБСТРАКЦИИ РЕАЛЬНЫЕ – (абстракция [латинск.] – отвлечение) – результаты практического обобщения схем человеческой деятельности, выраженные в предметной и знаковой форме. Примерами их могут служить различные системы мер, деньги, структуры языка, нормы морали и права.

А. р. вырабатываются людьми в историческом процессе, в ходе разделения человеческой деятельности и синтезирования ее все более сложных форм. Они возникают за счет расширения этнических, экономических и культурных контактов между **разными** социальными общностями.

В А. р. происходит выделение и закрепление типовых схем человеческой деятельности, отвлечение их от конкретных ситуаций человеческого общения. В А. р. как бы стираются черты их человеческого происхождения, их связь со способностями, силами и качествами людей, и они начинают действовать как надчеловеческие формы, схемы и механизмы социальной организации. В переломные моменты истории они обнаруживают свою зависимость от деятельности людей (смена денежных единиц и систем, кризис моральных стандартов, формирование юридических законов).

А. р. находятся в числе первых условий общественной организации, являются необходимыми, хотя зачастую и неосознаваемыми

средствами ориентации любого человека в социальном мире. В философской традиции А. р. в основном исследовались в логическом плане (Платон, средневековые схоласты, Гегель). В последние два столетия повышается интерес к роли А. р. в практической жизни и деятельности людей (Дюркгейм, Маркс, Фрейд).

АНОМИЯ – социальное условие, характеризующееся негативным отношением большинства членов общества к нормам, регулирующим социальную интеграцию. А., подобно „отчуждению“, есть понятие, которое разводит объяснение социальной деятельности на уровне индивидуальном и на уровне социальной структуры. Явления А. особенно характерны для переходных этапов в развитии общества, когда прежние социальные структуры и нормы оказываются неспособными на социальную регуляцию.

Классическая трактовка А. дана Дюркгеймом в его работе по самоубийству. Дюркгейм утверждал, что люди могут быть счастливы в том случае, если их неограниченные потребности и необходимо ограниченные ресурсы для их удовлетворения пропорциональны. Именно противоречие между потребностями и ресурсами вызывает явление А. Способ, каким общество справляется с проблемой недостижимых целей и потребностей, сводится к тому, чтобы ограничить человеческие потребности и цели введением сферы нормативных структур, которая поощряла бы исключительно имеющие некоторый шанс для достижения потребности и цели. А. описывает ситуацию разрыва сферы нормативных структур, конфронтации индивидов и социальных норм.

Дюркгеймовское понятие А. обогатил Мертон, введением теории отклоняющегося (девиантного) поведения. Мертон различает культурно-предписанные всеобщие цели и институциональные средства для достижения этих целей. Общества различаются по степени предпочтительности того или другого. Общества, которые предпочитают культурно предписанные всеобщие цели, ставят индивидов в положение, когда любые средства для их достижения считаются нормальными, даже если они нелегитимны. В таких случаях естественными средствами для достижения целей являются отклоняющиеся.

АНТРОПОМОРФИЗМ – наделение природных вещей и предметов деятельности людей человеческими чертами, придание им человеческого облика.

Антропоморфизм обычно связывают с мифологией и религией, с присущими им образами и представлениями. В плане социально-философском первостепенным становится вопрос о социальных (человеческих) качествах предметов, создаваемых людьми. С ним тесно связан вопрос о проекции на природные системы форм и

структур человеческой деятельности. В этом плане практически и теоретически значимым оказывается выяснение степени и характера воплощенности человеческих качеств в природном материале, соответствие или несоответствие форм человеческой деятельности формам бытия природных объектов и систем.

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ – трактовка человеческого бытия как цели мирового процесса, а позиции человека в мире как центральной.

Антропоцентризм существует в различных – религиозных, обыденных и научных – формах. С ним, например, связана идея принципиально неограниченной преобразовательной деятельности человека.

Серьезные аргументы против антропоцентризма возникают в связи с обострением экологического кризиса, а также в процессе выявления познанием объектов, сравнимых с человеком по совершенству.

Проблема взаимодействия человека со сложными самоорганизующимися системами (например, с природными комплексами) вынуждает рассматривать позицию человека как требующую постоянной корректировки, учета логики отношений, в которые человек „включает” себя своей деятельностью. Возможность человека участвовать в эволюционном процессе будет по-видимому во многом зависеть от его способности изменять свою позицию, т. е. творчески перерабатывать свои средства контакта с окружающими системами.

АРХЕТИП – понятие широко использовалось в аналитической психологии К. Юнга. Для Юнга А. – это структуры коллективного бессознательного. А. – это некие универсальные прообразы, формы поведения и мышления, изначальные образцы коллективного бессознательного, которые еще не подвергались никакой сознательной обработке и, следовательно, представляют непосредственную душевную данность. Хотя А. по определению выражает некий изначальный, архаичный, глубинный срез человеческого опыта и реально имеет место в историческом прошлом, он обретает смысл общечеловеческого феномена только будучи значимым в опыте индивидуальной жизни человека. Это обстоятельство выражает конститутивную черту А.

А. – это корреляты инстинктов, вместе с которыми они образуют бессознательное. Именно через А. инстинкт воспринимает самого себя. Повсюду, где мы встречаем единообразные и регулярно повторяющиеся способы понимания, мы имеем дело с А., независимо от того, узнается их мифологический характер или нет. В данном случае речь идет об априорных условиях понимания и восприятия,

но в отличие от кантовского типа, А. предшествует любым схемам логического мышления. А. – это когнитивная структура, в которой запечатлен опыт жизни всего рода. От логической категории А. отличается непосредственно-чувственным характером.

Юнг различает А. и А. – образ, т. е. А., подвергнутый сознательной переработке в мифах, сказках, тайных учениях. К самим А. ближе стоит индивидуальный опыт – сновидения, галлюцинации, экстатические состояния. В мифологии, мировых религиях, гностицизме происходит переработка А. опыта, А. образы становятся символами. По Юнгу, цивилизации, утратившие свои А., обречены, поскольку именно они (А.) возвращают к истокам, в изначальные времена, возобновляют прошлые события, придающие смысл настоящему.

Б

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ – понятие, используемое рядом психологических концепций для обозначения мотиваций личности, не проходящих через ее сознание, трансформирующих или искажающих сознательные мотивы, навязывающих человеку некие автоматизмы поведения. З. Фрейд акцентировал внимание на скрытых, иррациональных силах человеческих действий и переживаний. К. Юнг предложил рассмотрение схем бессознательной мотивации (археотипов), присущих социальным группам и целым народам.

В плане социально-философского анализа проблема Б. оказывается частью проблемы детерминации человеческой жизни и деятельности, взаимодействий и поступков человеческих индивидов. Люди „несут” на себе и реализуют связи и зависимости социального процесса. Эти связи далеко не всегда находят себе выражение в сознании людей. Однако они не могут осуществиться помимо людей, их поступков и взаимодействий. Таким образом Б., не фиксируемое в мотивации человека или находящее там для себя превращение формы, тем не менее становится предметом человеческого познания. Возникает сложная методологическая задача косвенной интерпретации Б., включения его в теоретические модели социальных процессов.

БЮРОКРАТИЯ – особая форма деятельности людей, превращающая функцию управления социальными системами в прямую или скрытую власть индивидов и социальных группы. Б. использует многомерность человеческой деятельности, она „спрямляет” эту деятельность до прямых и жестких зависимостей, а „затененные” ее структуры использует в качестве источника своей власти и привилегий. Так, например, выполняя функцию распределения каких-то жизненных средств, Б. присваивает себе возможность распоряжаться ими, а, стало быть, и чужой деятельностью.

ВЕЩИ – тела, предметы, элементы действий, на основе которых человек строит свои практические и познавательные отношения с миром.

В традициях обыденного и теоретического мышления действует не всегда явно формулируемое правило: начинать с простых вещей. В логике, например, распространенным является положение о том, что вещи – некие простые элементы, понятие о которых логически не разлагается, т. е. принимается как некая очевидность (Г. Фреге).

В настоящее время такое стереотипное понимание вещей представляет ограниченным. Современная философия обнаруживает, что в основе этого стереотипа – сведение бытия вещей во времени и пространстве к рамкам непосредственного восприятия их телесности, к формам их наблюдаемых взаимодействий. Собственно, как только экономическая наука установила факт, согласно которому вещь человеческого обихода оценивается не только и не столько по ее природным качествам, сколько по качествам воплощенной в ней человеческой деятельности, возник вопрос о выявлении, описании, объяснении этих качеств, причем как качеств не случайных, не второстепенных, но определяющих бытие вещи в человеческом процессе. Социальные и сверхчувственные качества вещей были первоначально представлены в формах абстрактных и деиндивидуализированных. Одномерное представление о социальных качествах вещей не может быть достаточной характеристикой бытия вещей, тем более людей. Однако, на первых порах оно явилось предпосылкой для формирования социальных наук, составляющих представление о логике социального бытия по логике движения вещей: логика вещей стала логикой объяснения человеческих действий и отношений. Дальнейшее развитие познание показало: сфера действия логики вещей ограничена круговоротом стандартных орудий, средств, продуктов обеспечения человеческой жизни, сводимых к простым функциям, операциям, взаимодействиям. В стандартном „формировании” вещь не раскрывает ни потенциала человеческих способностей, участвующих в этом „формовании”, ни многомерности свойств природного материала, включенного производством в создание вещи.

В предметном развитии людей, преодолевающим стандартные, машинизированные схемы деятельности, вещи раскрывают связанность своих функциональных, социальных (межчеловеческих) и физических, т. е. природных измерений. Этим они подтверждают свою „способность” транслировать человеческий опыт во времени и пространстве, перемещать человеческие силы по разным фазам социального процесса, сопрягать их, согласовывать, синтезировать,

свертывать и развертывать в различные социальные формы. В предметном, контактирующем с особой логикой вещей, саморазвитии человека проясняется понимание того, что человек не является **мерой** всех вещей, что именно **понимание** человеком границ собственной деятельности оставляет ему возможность углубления контактов с миром. (См. „Процессы социальные”).

ВОЛОНТАРИЗМ – течение социальной мысли, преувеличающее значение волевых начал в деятельности людей, предполагающее возможность строить и перестраивать социальные процессы в соответствии с наиболее привлекательными проектами, идеологиями, утопиями, мифами и т. п. В. соответственно не учитывает в достаточной степени конкретную сложность социальной ситуации, характеризуют ее обычно в „общем виде”, не придает значения углубленному научному исследованию, пользуется результатами научного анализа как приложением к своим идеологическим построениям. В деятельности личности В. является преувеличением идейно-психологического момента деятельности и, соответственно, принижением роли аспектов предметно-содержательных.

ВОСПИТАНИЕ – первоначально это слово означало „вытягивать”, а в более расширительном толковании – „выращивать”, и связывалось прежде всего с процессом питания. Термин В. также имел оттенки, указывающий на вскармливание. В древнерусских текстах В. отражалось словами „кормить”, „питать”, а воспитатель часто назывался „кормильцем”. Сейчас в самом широком философском смысле этот термин означает целенаправленный процесс перевода накопленной человечеством культуры в индивидуальную форму существования, когда внешнее (объективное) становится содержанием внутреннего (субъективного), т. е. переводится в область сознания конкретных людей, чтобы потом соответственно отразиться в их мыслях, поведении, чувствах, а выделяемое как специфическая функция общества, является предметом такой науки, как педагогика. С точки зрения педагогики В. – это прежде всего передача старшими поколениями и активное усвоение и воспроизводство новыми поколениями социального опыта (знаний, практических умений и навыков, способов творческой деятельности, социальных и духовных отношений).

Существует и другая, более узкая трактовка термина В., которая отражает практическую деятельность учителя, педагога, раскрывая В. прежде всего как целенаправленный организованный процесс формирования у личности социально-ценных, позитивных качеств. В основе В. лежит система воспитательных отношений и наиважнейшее значение имеют не сами по себе условия развития человека, а фактическое место человека в этих условиях, отношениях к ним и характере деятельности в них.

Важно отметить, что В. предполагает активное двустороннее социальное взаимодействие педагога и воспитуемого в результате которого происходит обоюдное духовное взаимообогащение, взаиморазвитие, взаимосовершенствование. В этом смысле В. есть организованная совместная жизнедеятельность воспитателя и воспитуемого, организованная по таким педагогическим законам и такими способами, когда передача, усвоение и воспроизводство социального опыта протекает наиболее быстро и эффективно.

В XX столетия выявляются новые черты воспитания. Передача старшими своего опыта младшим, – как и простое воспроизводство новыми поколениями социального опыта предыдущих – становится затруднительной, а часто и малоэффективной.

В традиционных обществах условия жизни в основном сохранялись в деятельности нескольких поколений, что делало естественным воспитание в привычных формах. В обществах XX в. формы опыта могут меняться на протяжении жизни одного поколения, а это делает их простое воспроизводство непродуктивным, может вызывать конфликты между поколениями.

Самовоспитание становится практической проблемой для многих зрелых людей. Вместе с тем перед ними возникает задача понимания проблемности опыта своих младших современников, задача разграничения живого опыта людей и социальных стандартов. Таким образом проблема воспитания обретает широкий социально-философский и культурный смысл (см. обучение).

Социальная философия акцентирует внимание на соотношении в В. воспроизводства и обновления социального опыта. Следует иметь в виду, что в процесс освоения социального опыта вступает не отделенный от своего поколения индивид, а целая „когорта” будущих личностей, и сам факт их вступления в связи общества неизбежно порождает новые проблемы, стимулирует поиск новых схем общения, деятельности и т. д.

ВРЕМЯ СОЦИАЛЬНОЕ И ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНОЕ – категории, списывающие социальное бытие как процесс (см.) сочетающихся и сменяющих друг друга человеческих деятельностей людей. С. в. фиксирует устойчивость социальных форм как их воспроизводимость, С. п. представляет движение человеческого бытия в виде определенной координации людей, их действий и предметных условий, средств и результатов их жизненного процесса, в формах их непосредственно совместных взаимодействий. Такое понимание С. в. и С. п. указывает на несовпадение трехмерного „сечения” социального процесса, освоенного людьми в их обиходе, и четырехмерного, пространственно-временного „объема” социального бытия.

С. в. и С. п. выступают категориями социального бытия не только в том смысле, что они описывают его на духовно-теоретическом уровне; они выступают исходными схемами построения обыденного поведения людей и их повседневных взаимодействий, т. е. они постоянно действуют на уровне деятельности социальных индивидов как условия связности, непрерывности, организованности социального процесса. Проще говоря они выступают **социальными** связями, кооперирующими последовательности и сочетания человеческих сил, действий и их воплощений.

В традиционных формах общества пространственные характеристики социального бытия выражали время и подчиняли себе его измерение. В Новое время, в ходе формирования **индустриального** общества осуществляется „переворачивание” этой зависимости: время становится главным измерителем социальных качеств людей и вещей. Любые человеческие силы и способности сводятся к средним или необходимым затратам времени, могут транслироваться в социальном процессе, обмениваться, складываться в общую сумму. Образуется некое однородное С. п., выражаемое в формах времени.

Г

ГОСУДАРСТВО – аппарат управления обществом, наделенный властью, опирающейся на силу закона или на органы принуждения. Как правило, деятельность государства оформляется соответствующими законами, а реализация власти государства сопряжена с применением насилия. Существенным, однако, является то, какова природа законов, в соответствии с которыми действует Г. Если законы государственной деятельности предписаны Г. обществом (через выборные органы, например), то Г. оказывается тогда одной из структур общества, функционирует „внутри” общества и является правовым. Если же Г. само определяет законы своей деятельности, то оно фактически оказывается властью, предписывающей обществу определенный характер жизни, и в этом случае как бы становится „над обществом”, вместе с тем „поглощая” функции общества как самоорганизации, воспроизводящейся и самоизменяющейся системы.

ГРАЖДАНИН – человеческий индивид, обладающий необходимыми правами для свободного использования своих сил и способностей, и несущий полную ответственность перед законом, обществом и другими гражданами за свои действия.

Понятия Г. и гражданства определились еще в эпоху античности. Актуальный смысл этих понятий связан с развитием индустриального общества, системы вещной зависимости между людьми (разрывающей непосредственно-личностные зависимости типа

феодалных), абстрактных, обезличенных стандартов соизмерения деятельности людей и правового государства. Гражданское общество, правовое государство и развитая индустриальная экономика взаимообуславливают друг друга. Гражданство как необходимый минимум развития и свободы личности обуславливает со своей стороны функционирование общества, экономики и государства.

Д

ДЕКОНСТРУКЦИЯ – критика метафизического способа мышления от Платона до Гуссерля и Рикера, основанного на понимании бытия как присутствия, данности, абсолютной полноты смысла и т. д. Термин Д. предложен Деррида как перевод гуссерлевского „*Abbau* и хайдеггеровского „*Destruktion*”. Как явствует из самого названия, Д. не является индивидуальным творчеством, а провоцируется самой „природой” метафизического способа мышления. Отсюда двойственность Д. как стратегии: будучи внутри, находиться вне с целью преодоления метафизики. В этом смысле Д. предполагает деконструкцию самого метода в той мере, в какой последний строится на внеположенности исследователя к объекту исследования.

Стандартная метафизическая практика, в соответствии с Деррида, объясняет мир, используя бинарную оппозицию, один из терминов которой занимает приоритетную позицию. Второй термин в оппозиции обычно рассматривается как вторичный, производный. Именно посредством стратегии оппозиции и приоризации метафизика репрессирует все что подрывает ее основополагающие принципы. В самом деле, основополагающие понятия такой метафизики – присутствие, идеальность, речь и т. д. – являются следами и репрессиями таких вторичных терминов как отсутствие, различие, письмо и т. д. Метафизический способ мышления наблюдается в случае противопоставления индивидуального и социального, где последнее как первичное, самодостаточное репрессирует и, таким образом, производит индивидуальное. Теперь, задача Д. заключается не в реставрации ущемленного термина, а в выяснении причин и условий возможности (и невозможности) такой практики. Последнее сопровождается введением неразрешимостей, объясняющих условия возможности и невозможности такой метафизической практики.

Объектом Д. обычно являются метафизические тексты. В самом тексте вычлениаются подавляемые термины, которые относительно основополагающих маргинальны (см.). Метафизичность как раз вызывается бесконечными смещениями, замещениями основных и маргинальных терминов. Это значит, что установить какое-то

последнее означаемое текста, найти некий единственный, исчерпывающий код для его прочтения становится невозможным. В случае с философскими текстами таковое осуществляется на уровне концептуальности, дискурсивности и аргументации. Например, Соссюр определяет объект структурной лингвистики в соответствии с принципом различия как систему знаков, сравнимую с письмом, в то же время осуждает письмо как угрозу непосредственности речи.

Возможность бесконечных смещений основных и подавляемых понятий, мотивов результируется и в то же время обуславливается неким „пространством“, основанием (не-основанием), где такое становится возможным. В случае с бинарной оппозицией тождества и различия, такое неразрешимое „пространство“ определяется неологизмом „*differance*“. В случае с речью и письмом – архиписьмо. Введением неразрешимостей полагается несамотождественность метафизического текста. Возникает своеобразное движение, специфическая система различий, следов, дополнений, повторений, которые и воплощают принцип гетерономности.

Поскольку Д. работает с метафизическими текстами, она наследует и преимущества, и недостатки этих текстов. В соответствии с Деррида, трансцендентальной истины, которая тео- и телеологически систематизировала бы Д. практику как набор принципов, аксиом или постулатов не существует. Д. – это „стратегия без предела“. Для Деррида никакой возможности отстранения от метафизической традиции в какую-то постметафизическую, где традиционные понятия потеряют свою силу, не существует.

ДЕТЕРМИНИЗМ (детермино [латинск.] – определяю) – учение о связях и взаимобусловленности явлений действительности. Д. трактует вопросы взаимодействия общества и природы, движущих сил общественного развития, соотношения различных подсистем общества, обусловленности развития социальных индивидов конкретными обстоятельствами их воспитания, воздействия общества и отдельных его подразделений на духовную сферу, познание, науку и т. п.

Центральным вопросом Д. социального является вопрос существования и действия общественных законов. Признание законов общества означало признание возможности общественной науки, возможности управления социальными процессами. Отрицание этих законов, соответственно, стимулировало взгляд на историю как на стихийный процесс. Такой взгляд основывался также на попытках выявить специфику социальных процессов сравнительно с природными, подчеркнуть значение деятельности людей, индивидуального творчества для конкретного хода социальной истории (См. „Волонтаризм“). Сложность вопроса о социальных зако-

нах объяснялась еще и тем, что в процессе становления общественности доминировало стремление формировать представление о законах общества по образцу законов естественно-научных. Такой подход неизбежно порождал упрощенные, „механические” образы и схемы закономерных связей общественной жизни. Надо сказать, тенденция эта не преодолена полностью и до настоящего времени; хотя теперь упоминания общественных законов стимулируются уже не механикой, а преимущественно биологией. Методологическую трудность всегда представляла собою трактовка законов, вытекающих из жизни общества как такового, из деятельности взаимообусловленных в нем индивидов. Понимание общественных условий в качестве продуктов деятельности людей создает возможности для преодоления этой трудности.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – способ воспроизводства социальных процессов, самореализации человека, его связей с окружающим миром.

Понятием деятельности охватываются разные формы человеческой активности (экономическая, политическая, культурная деятельность) и сферы функционирования общества. С помощью этого понятия даются характеристики различных аспектов и качеств бытия людей (деятельность физическая и умственная, внешняя и „внутренняя”, творческая и разрушительная и т. д.).

В плане социально-философском и методологическом понятие деятельности используется для характеристики **специфического способа** человеческого бытия, т. е. оно трактуется как принцип исследования, объяснения и понимания совместной и индивидуальной жизни людей, их взаимодействий с природой. Таким образом проводится разграничение истолкования деятельности как одного из аспектов, уровней или объектов социального бытия и понимания ее как принципа созидания и исследования специфических процессов, качеств и форм этого бытия. В первом случае деятельность подлежит описанию наряду с другими проявлениями человеческого бытия, во втором она оказывается инструментом, обнаруживающим и воспроизводящим связи социального процесса. Рассмотрение деятельности как принципа понимания социальности означает, что мы как бы просвечиваем лучом этого понятия многообразие элементов, свойств и связей человеческого бытия и находим в них воплощения и следы человеческой деятельности, раскрываем способ их „жизни” в социальных процессах, находим объяснение парадоксу их одновременно слитного и раздельного, взаимообусловленного и фрагментарного, прерывного и непрерывного существования.

Вещи человеческого мира в таком освещении показывают свои социальные значения, свою наполненность человеческими силами и способностями, свою многогранность или одномерность, сле-

ды плодотворных и разрушительных человеческих действий. Так выявляется **предметность** человеческой деятельности, ее реализуемость в материале и ее зависимость от материала. Предметность деятельности зачастую понимают прямолинейно как овеществление ее, как поглощенность процесса деятельности вещью (таковы многие современные технологические концепции, соответствующие технократические проекты, вызывающие естественную критику, которая разоблачает такую интерпретацию деятельности и вместе с тем как бы замыкает деятельность в рамках такой интерпретации). Однако предметность деятельности по сути означает **социальность** ее, ибо предмет не замыкает человеческую самореализацию, а открывает ее социальному миру, другому человеку, представляет ее разным („близким” и „дальним”) людям, „транслирует” ее в пространстве и времени социального процесса.

Связь предметности и социальности человеческой деятельности свидетельствует о том, что ее социальный характер не сводится к ее совместности, т. е. что индивидуальная деятельность человека по сути тоже является социальной, поскольку она реализует (выявляет, создает, достраивает, синтезирует) человеческие силы и способности и таким образом участвует в воспроизводстве социального процесса. Индивидуальный аспект человеческой деятельности, социальный по своему содержанию и предметный по формам своего воплощения, кажущийся иногда чем-то второстепенным, по существу является „ядром” и „сердцевинной” деятельности”, ее „живою плотью”. Иными словами, деятельность без **самореализации** индивидов попросту невозможна. Предметность и социальность деятельности продуктивно реализуются только при наличии самореализации. В этом смысле самореализацию нельзя „включить” в деятельность или „выключить” из нее. Условно говоря, если в цепочке социальных связей отсутствует минимальное напряжение, создаваемое человеческой самореализацией, деятельность и собственно социальный процесс становятся невозможными.

Предшествующие десятилетия в истории нашего общества можно представить как время, когда была сделана попытка строить деятельность общества без учета самореализации человеческих индивидов. Результаты этой попытки оказались не только малоэффективными, но и разрушительными, поскольку закрепили отчуждение предметных, социальных и личностных аспектов деятельности. В теории это **отчуждение** выражалось различными концепциями связи производства и человеческого фактора, практики и бытия людей, труда и личной жизни, по сути разрывавшими деятельность и личностную самореализацию людей.

Следует заметить, в западной философии аналогичные представления развивались **функционализмом**, сводившим поведение людей к выполнению заданных функций, и **структурализмом**, по-

лагавшим, что любая человеческая активность „вписывается” в заранее заданные структуры и лишь оживляет их действие.

В отечественной литературе по философии разработка понятия деятельности как принципа объяснения социального бытия и методологического инструмента, выявляющего специфику взаимосвязей человека с миром, была начата Г. С. Батищевым, О. Г. Дробницким и Э. Г. Юдиным. В дальнейшем интерес к этой тематике стал бурно расти и она оказалась в центре дискуссий по проблемам социальной философии, методологии и истории науки, интеграции обществознания. (См. „Процесс социальный”, „Методология”, „Отчуждение”).

ДИСКУРС – область речевых практик, унифицируемых общими предположениями. Основная задача дискурсивного анализа заключается в чистом описании речевых событий как горизонта для исследования формирующихся в нем единств. В отличие от лингвистического анализа языка и анализа мышления, Д. охватывает в одной плоскости связь неповторимости эмпирического речевого события с более фундаментальными закономерностями.

Например, Фуко описывает существование Д. безумия – способов высказывания и мышления о безумии – которые меняются в течение веков. В раннее средневековье безумие и безумный человек не считались чем-то опасным для общественного устройства. Безумный рассматривался почти как обладающий внутренней свободой. В 20 в. Д. безумия подчеркивает в нем болезнь, подлежащую необходимому лечению. В переходные этапы существовали другие Д. безумия, рассматривающие безумие и безумного человека различным, часто противоречивым, образом. Для Фуко существует необходимая артикуляция между Д. различных предметов в одно и то же время. Он утверждал, что дискурс политэкономии в 18 и 19 вв. имеет форму, отличную от дискурса естественной истории. Однако важно подчеркнуть, что хотя Д. могут каким-то образом усиливать друг друга, они могут также конфликтовать. Например, на определенном этапе в истории Западных обществ одновременно существовали различные и часто противоречивые Д. индивида (индивидуальные Д.). Некоторые из них подчеркивают свободу индивидуального действия, в то время как другие подчеркивают подчинение индивидов социальному целому.

Социальную философию интересует социальная функция Д., особенно важна их скрытая потенция. Внутри Д. существуют вещи, которые не могут быть проговорены или осмыслены. Это означает, что Д. может иметь эффект, подобный идеологическому.

И

ИГРА – форма человеческих действий или взаимодействий, в которой человек выходит за рамки своих обычных функций или

утилитарного употребления предметов. Цель игры – не вне ее, а в поддержании ее собственного процесса, присущих ей интересов, правил взаимодействия. И может быть прервана без ущерба для участвующих в ней людей, предметов и символов, во всяком случае без ущерба для их обычных утилитарных функций и значений.

И. принято противопоставлять: а) серьёзному поведению и б) утилитарному действию с предметом или взаимодействием с другими людьми. И. действительно не является серьезной деятельностью, потому что позволяет человеку принять на себя какую-то роль и отказаться от этой роли; он может „баланси́ровать” на грани разных ролей, свободно менять свои функции. И. не является и утилитарной деятельностью в том смысле, что она не ориентирована на внешнюю пользу; однако она вполне утилитарна в том плане, что обнаруживает свою полезность для играющего человека, дает ему ощущение хозяина своих собственных сил и возможностей. Говоря коротко, игра есть процесс, в котором человек открывает возможность преодоления своей одномерности, а также и элементарности окружающих предметов, простоты и „линейности” взаимодействий с ними.

Существуют разновидности игры: предметные И., соревновательные И., ролевые И.

Социальную философию интересует парадоксальность И., серьезный смысл ее легкосмысленности, социальная ценность ее неутилитарности. Парадокс этот разрешается, видимо, переносом акцентов в самом понятии полезности; И. дает пример и перспективу такого переноса: внешняя польза, внешний результат человеческих действий и взаимодействий является элементом, промежуточным (но отнюдь не конечным) продуктов той многомерной полезности, что заключена в процессе освоения людьми различных своих возможностей и многогранности окружающих их вещей. (См. „Процесс социальный”). Ребенок, использующий стул в качестве барабана, или вообразивший, что чурка стала самолетом, как бы намечает скрытые перспективы преобразования предмета, его потенциальные формы. Но тем самым он и в себе создает предпосылку для включения в сложные переплетения социальных качеств и связей. Дети, затеявая какую-то игру с правилами, скажем пряталки, создают „живую среду” для формирования навыков согласованного взаимодействия. В этом плане игра может рассматриваться как важнейшее условие естественного развития человеческой личности. Но в играх с правилами просматривается и другой план: человек взрослеет, правила усложняются. Во взрослых, скажем спортивных, играх иногда наступает такой момент, когда правила надо изменить, затруднить игру, – потому что силы и возможности игроков возросли, и при прежних правилах И. теряет интерес. В этом случае И. выявляет зависимость правил человеческого вза-

имодействия от развития сил и способностей индивидов. Так является культурная функция игры: она выступает важным средством деавтоматизации культуры, ее стандартов и норм.

Игра издавна использовалась в качестве метафоры человеческого существования („что наша жизнь?... игра...”), социальных взаимодействий, многомерности общественного процесса и его познания. В XX столетии, пытавшемся преодолеть одномерные и линейные модели социальной организации, такое понимание игры становится почти общим местом. Говорят об экономических, политических, дипломатических „играх” сначала в метафорическом смысле, но потом метафора игры начинает как бы реализовываться. Возникают различные игротехники, адаптирующие людей к ситуациям нестандартного поведения, к самостоятельному преобразованию своих ролей и функций, к дистанцированию себя по отношению к ним.

ИДИОГРАФИЧЕСКИЙ И НОМОТЕТИЧЕСКИЙ МЕТОДЫ – способы представления и исследования предметов, отличающиеся тем, что первый выявляет в предмете его индивидуальность, а второй – его включенность в законосообразные связи и зависимости.

Обычно предполагается, что идиографический метод является специфическим для гуманитарного познания, особенно при характеристике уникальных событий, цельных культурных образов, индивидуального развития и поведения людей. Этому взгляду соответствует воззрение на номотетический метод как на обобщающую исследовательскую стратегию, характерную для естествознания.

Однако по существу разделение методологии на идиографическую и номотетическую можно обнаружить и в рамках обществознания, например, в разграничении (или противопоставлении) социального и гуманитарного видов знания. Более того, в пределах одной науки могут быть обнаружены ее идиографические и номотетические вариации (например, гуманистическая и бихевиористская ветви психологии).

Философы, последовательно проводившие методологический дуализм (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) не закрепляли названные методы за определенными предметными областями. Иными словами, любой предмет (озеро, дерево, человек, группа людей, общество, биосфера) может исследоваться и в логике идиографизма и в логике номотетизма. Правда, до сих пор остается открытым вопрос о логике индивидуального, т. е. о логике не подводящей предмет под общее определение, а выявляющей его специфику. Существует также серьезная методологическая проблема связи или „совмещения” идиографического и номотетического описаний одного и того же предмета (скажем, описаний человека как элемента социальных связей и уникального субъекта социального процесса).

ИНДИВИД, ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ (индивидуум [латинск.] – неделимый) – понятие используемые для описания человеческих особей, для характеристики различных аспектов бытия человеческой личности.

Понятие „индивид” фиксирует представление об единичном человеке как своего рода социальном атоме, т. е. далее неразложимом элементе социального бытия. Вместе с тем понятие социального индивида неявным образом указывает на дискретность, прерывность социального процесса, реализуемого через обособленных индивидов и их связи. Понятие „индивидуальность” указывает на форму преодоления индивидом своей „автомарности” и элементарности, на преобразование связей социального бытия в особую форму самореализации человека.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО – общество, основанное на развитии крупного промышленного производства, формирующее соответствующие модели рынка, потребления, социальной организации, науки и культуры. Для И. о. характерна ориентация людей на постоянно возрастающие объемы производства, потребления, знания и т. д. Идеи роста и прогресса являются „ядром” индустриального мифа или идеологии. Существенную роль в социальной организации И. о. играет понятие (и метафора) машины. Следствием реализации концепции машины оказывается экстенсивное развитие производства, а также и „механизация” общественных связей, отношений человека с природой.

И. о. вырабатывает такие общественные институты как гражданское общество и правовое государство. Гражданское общество фиксирует как общественную необходимость свободу личности в распоряжении своими силами и способностями.

Границы развития И. о. выявляются по мере того, как определяются пределы развития экстенсивно ориентированного производства. Ограничения И. о. полагает также и экологическая проблематика.

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ – структура индивидуального сознания, отвечающая факту существования других индивидов. И. разрабатывалась в феноменологически ориентированных социальных теориях с целью преодоления индивидуалистической дилеммы. С И. как проблемой феноменология сталкивается при рассмотрении вопроса о восприятии других субъектов, о способах обнаружения у них субъективности, которая не может быть дана непосредственным образом в виде некоторого наличного бытия.

В феноменологически ориентированных социальных теориях И. указывает на внутреннюю социальность индивидуального сознания. Основная форма И. описывается Шюцем при помощи тезиса о „взаимозаменяемости перспектив”. Этот тезис предполагает на-

личие двух идеализаций. Во-первых – правило „взаимозаменяемости точек зрения“, согласно которому каждый из нас принимает на веру идентичность способов переживания внешнего мира вопреки предполагаемым трансформациям занимаемых мест и, соответственно, точек зрения. Во-вторых – правило „совпадения систем релевантностей“. Это правило предполагает идентичность интерпретации потенциально общих объектов, фактов и событий наличного мира.

Другое основополагающее измерение И. описывается общим тезисом об *alter ego*, согласно которому одновременность восприятия индивидами друг друга в живом настоящем обеспечивает их избыточность относительно друг друга, что в переводе на уровень теории оказывается достаточным условием для концептуального оформления социальных теорий.

Главным достижением понятия И. является схватывание индивидуального характера конституированности социальной реальности, конституирующей роли временности в отношении социальных форм.

См. „Социальный институт“.

ИСТОРИЯ – 1) Широко распространено представление об истории как о прошлом. Реальность истории в этом случае трактуется как наследие, получаемое людьми от предшествующих поколений. Отсюда – и практическая задача сохранения исторического наследства, охраны памятников истории, ее вещественных и письменных „следов“. Историческое познание тогда оказывается в основном изучением памятников, их выявлением, описанием, истолкованием.

2) Понимание истории как процесса человеческого бытия, как социального бытия, развертывающегося во времени. Понимание истории в качестве **процесса**, предполагает ее рассмотрение и описание через деятельность людей, через связи этой деятельности, ее средства и продукты. Тогда под историей подразумевается живая, т. е. деятельная, насыщенная силами и способностями людей связь прошлого, настоящего и будущего. Проблема отношения к прошлому оказывается шире проблемы отношения человека к историческим памятникам. Возникают вопросы относительно форм человеческой деятельности и общения, воплотившихся в вещественных и письменных памятниках. Появляется необходимость увидеть за предметными и знаковыми формами схемы деятельности и общения людей, смоделировать ситуации воспроизводства и возникновения этих схем. Так формируется задача исторической реконструкции прошлого. В рамках реконструкции исторических ситуаций памятники выступают носителями культурных смыслов и социальных значений человеческой деятельности. Они фикс-

сируются в качестве средств деятельности людей и в этом качестве выступают „посредниками“ между прошлым и настоящим. В ходе решения подобных задач историческое познание выступает как теоретическая наука, использующая „аппарат“ современного общественнонаучного познания для реконструкции исторических событий и ситуаций.

К

КАЧЕСТВА СОЦИАЛЬНЫЕ – концентрации человеческого опыта, совместной и индивидуальной деятельности людей, различных их комбинаций, композиций, синтезов.

К. с. воплощаются в условиях, средствах, орудиях и инструментах человеческой деятельности. Они также содержатся и в непосредственно индивидуальном бытии людей, в их способностях, потребностях, умениях, знаниях, присущих им формах поведения и взаимодействия. Благодаря этой непосредственной воплощенности в бытии человеческих индивидов К. с. раскрываются и реализуются в человеческих вещах, в социальной предметности. Предметная среда человеческой деятельности обнаруживает и „прибавляет“ скрытый в ней социальный опыт к человеческой жизни только во взаимодействии с усилиями и способностями людей. Вне этого взаимодействия К. с. могут „скрываться“ телесной формой людей и вещей или отождествляться, с непосредственно воспринимаемыми формами этой телесности. Иначе говоря, К. с. „оживают“ и „живут“ только в социальном процессе, во взаимодействиях людей и людей, людей и вещей, в динамике воспроизводства и обновления социального бытия. „Выпадая“ из этого процесса, они замыкаются телесными формами и в непосредственных восприятиях людей отождествляются тогда с природными качествами, силами и формами. Тогда, скажем, воздействия денег, знаков, символов на сознание и поведение людей трактуются как проявления их собственной природы или сверхъестественной силы.

Различные системы мер, естественные и искусственные языки являются средствами выявления, представления и сопоставления К. с. Они вырабатываются, распростираются, усложняются (или упрощаются) в процессе развития человеческих контактов, культурных обменов, экономических и прочих взаимодействий между социальными общностями. Выступая в роли посредников между различными К. с., они сами входят в состав этих качеств, становятся формами реализации их бытия. (См. **Формы социальные**).

КЛАССЫ – группы людей, объединенных общими условиями их деятельности. Отношения людей в классах опосредованы их отношениями к условиям, средствам и продуктам производства. Это значит, что люди объединяются в классы независимо от их инди-

видуальных свойств и пристрастий. Они проявляют свою общность и социальность через отношения к вещам, главным образом, к средствам производства.

Традиционное представление о классах связывается с идеей классовой борьбы. Однако не менее важно то, что классы представляют собой **реальную, практическую классификацию** людей в обществе. Эта классификация груба и приблизительна, однако она существенна, ибо проявляет предметное и вместе с тем абстрактное (т. е. отвлеченное от индивидов) разделение человеческих общностей, различия их жизни и деятельности, их потребностей и интересов.

В **индустриальном** обществе, основанном на капиталистическом производстве, предметными определителями классов оказываются: собственность на средства производства, формы доходов, богатство. Причем вопрос о собственности в значительной степени сводится к вопросу владения или невладения вещами.

В **постиндустриальном** обществе на первый план выходит **качество** человеческой жизни и деятельности, а не количество произведенных или присвоенных людьми вещей. В этой ситуации жесткое разделение общества на классы по принципу отношения к собственности на средства производства утрачивает свое значение.

Поскольку все большую социальную ценность приобретает живая (т. е. неовеществленная) деятельность людей, ее организованность, информационная насыщенность, постольку все меньше становится непосредственная зависимость людей от вещественных условий.

КООПЕРАЦИЯ – сотрудничество, взаимосвязь людей в процессах их деятельности. К. – это своеобразное сложение или умножение человеческих сил, дающее мощный „добавочный” эффект. „Добавка” образуется из того, что люди могут связывать свою деятельность не только в пространстве, но и во времени. Для человеческой кооперации характерно не только простое сложение усилий (простая кооперация, непосредственная коллективность и совместность), но и сложные сочетания различных одновременных и разновременных действий. Использование орудий и предметных средств деятельности также по существу оказывается кооперацией человеческих усилий, соединением „живых” и овеществленных форм человеческого опыта.

К. Иногда трактуется как дополнение разделенности человеческого труда. Однако точнее говорить, что разделение и кооперация деятельности это – стороны одного и того же процесса; они взаимопредполагают друг друга, указывают на такие существенные качества социального процесса как его **дискретность** и **континуальность**.

Значение К. в истории общества постоянно возрастает. И это прежде всего связано с возникновением сложных „композиций” человеческой деятельности, разворачиваемых во времени. Чем меньше эффект деятельности зависит от количества людей, собранных в одном месте, тем выше социальная ценность организаций, кооперирующих живые и опредмеченные человеческие способности, соединяющих операции, совершаемые людьми в разных точках социального пространства. Таким образом К. раскрывается в качестве сложного общественного отношения, поддерживающего непрерывность социального процесса, обеспечивающего его воспроизводство и развитие. Творческая деятельность индивида может быть тоже истолкована как своего рода кооперация человеческих качеств, продуцирующая новую предметность, качества, формы.

КУЛЬТУРА – деятельность людей по воспроизведению и обновлению социального бытия и включаемые в эту деятельность ее продукты и результаты. Социальное бытие не существует само по себе, безотносительно к его воспроизводству людьми; в этом, собственно и состоит его отличие от природы. По сути об этом и говорили древние, когда отличали мир культурный, возделанный, рукотворный от мира дикого, необработанного, стихийного. Это же различие фиксируется и оппозицией искусственного (т. е. искусного, культурного) и естественного (природного, натурального).

Одним из самых спорных моментов в понимании К. является ее определение. Сейчас существуют сотни определений К., причем заметно, что среди определений есть такие, которые по сути противоречат друг другу (определение К. как нормы и как преобразования стандартов, как формы адаптации человека к обществу и как деятельности по преодолению социальной инерции, как накопленного опыта и как самореализации личности).

С точки зрения социальной философии понимание К. выявляется не в логике определений, а в установлении эволюции тех форм, коими человек пользуется для сохранения и обновления социального бытия, а главное – в конкретных описаниях форм воспроизводства и обновления, их **соотношений**. Конкретная К. и выступает как определенное соотношение форм воспроизводства и обновления социального бытия. В этом смысле можно говорить о том, что основной вопрос К. – это **вопрос о соотношении** воспроизводства и трансформации, **обновления** человеческого бытия. Этот вопрос не имеет универсального решения. Если на ранних этапах человеческого общества главной формой была **традиция**, обеспечивающая сохранения социальной организации, то затем все более значимой становится **инновация**.

Л

ЛИЧНОСТЬ – индивидуальный человек, как субъект общественной жизни, общения и деятельности, а также и своих собственных сил, способностей и потребностей, интересов, устремлений и т. д. В Л. снимается противоположность внешней и внутренней жизни индивидуального человека; собственно процесс личностного бытия и протекает как постоянное снятие противоположности между внешними и внутренними формами самореализации человека. Бытие человеческих индивидов в качестве личностей является условием воспроизводства и обновления социальных процессов.

В социальной философии речь идет, собственно говоря, не о личности, а о личностях. Общество рассматривается как связь или система людей, утверждающих и реализующих свои личностные позиции, установки, интересы. Разумеется, личностные качества людей выявляются неравномерно, в различные эпохи соотношения непосредственно личностного и непосредственно коллективного бытия людей было различным. Однако важно подчеркнуть, что не только коллективность, но и личность, являются **социальными** формами бытия людей, что вне личностного бытия людей социальные качества (связей, вещей, институтов, самих людей) не могут не синтезироваться, ни проявляться, ни реализоваться.

Распространенные социологические концепции **социализации** личности делают акцент на усвоении человеком внешних форм и стандартов, на приспособлении его к внешним социальным формам. Такой подход делает практически неразрешимой проблему возникновения и обновления социальных форм. Кроме того, как показала психология неопрейдизма, – социализация, в полной мере осуществленная, ведет по сути не к развитию Л., а к воспитанию **конформиста**. Современные философские и психологические концепции личности делают акцент на **самореализации** Л.

ЛОКАЛЬНОСТЬ – ограниченность социального взаимодействия условиями места действия, „расположенность” действия в пространстве-времени; контекстуальность интеракций, общения, дискурса. Понятие Л. позволяет зафиксировать включенность окружающей обстановки в процесс оформления устойчивых интеракций. Обстановка при этом понимается как своеобразная сценическая площадка, на которой может быть разыграно лишь определенное действие: деятельность субъектов происходит на фоне „заранее” подготовленных декораций.

В дискурс-анализе понятие Л. указывает на наличие априорных моделей интерпретации контекста. Пользователю языка при интерпретации дискурса не обязательно учитывать всю информацию о контексте: уже к моменту коммуникации у всех участников

процесса общения обычно есть некоторое представление о локальном контексте.

Согласно Ортеге-и-Гассету, мир каждого конкретного человека организован в „прагматические поля”. Каждая вещь принадлежит к одному из таких полей, в котором она связывает свое „бытие для” с другими вещами, т. е. – с последующими и так далее. „Прагматические поля” локализованы в пространстве. Человек живет в мире состоящем из „ситуативных полей”, более или менее локализованных в пространстве.

В теории структурирования Э. Гидденса Л. – необходимое условие поддержания устойчивости процесса взаимодействия индивидов. Самая возможность социального „порядка” есть результат локализации человеческого взаимодействия, его структуриации в пространстве-времени. Количественная характеристика Л. (места действия) может варьироваться от ограниченной обстановки (задающей близкие дистанции интеракции) места жительства, фабрики, учреждения до обширных территориальных пространств взаимодействия государств и империй. Организация пространства-времени может быть конкретизирована как регионализация – детализация-разбивка окружающей обстановки, определяющая систему дистанций между индивидами, форму их присутствия в социальном пространстве-времени.

М

МАРГИНАЛЬНОСТЬ – понятие служит для оправдания репрессии специфической части людей, не соответствующих принятым в обществе нормам и ценностям. Выделение и анализ М. сопровождается предположением о модели общества как интегрированного целого и самоидентичности нормативных и ценностных структур. М. и обозначает все то, что ставит под вопрос эти интегрированность и самоидентичность.

Интегрированность целого и самоидентичность нормативных структур проявляется в следующем: на основании принятого критерия устанавливается ряд действий, интегральных относительно норм и ценностей; в то время как исключается ряд действий, рассматривающихся с т. з. этого целого как внешние или маргинальные. Социально-философский анализ ставит под вопрос сам принцип исключения, поскольку последний сам по себе является маргинальным. Именно возможность иного, не подпадающего под нормативные структуры, говорит о том, что М. в действительности является внутренней относительно социального целого, и, что самоидентичность изначально подрывается М.

Это означает, что строго критерия и соответствующей границы, отделяющей внутреннее от внешнего, нормативные структуры от

М., не существует. Чистота внутренней нормативной структуры подрывается уже тем, что акт исключения сам по себе означает ее (этой структуры) ограниченность. Самотождественность, искажаемая различными отношениями редукции, исключения, перестает быть таковой. Сама логическая практика, устанавливающая теоретическую возможность неискаженной внутренней структуры, в то же время исключает такую практику. М. в этом случае обуславливает в одно и то же время возможность и невозможность существования социального целого и нормативных структур.

МАРКЕТИНГ – современная концепция экономики, ориентированной на потребление, на потребителя, на рынок, (представляющий собой разнообразие человеческих потребностей,) на создание и представление рынку товаров, формирующих новые потребности.

С точки зрения социально-философской эта концепция интересна тем, что содержит неявную **метафизическую** установку и, соответственно, **антинатуралистический** подход к качествам вещей (товаров) и качествам людей (потребностям) как к неким динамичным формам, скрывающим разнообразные потенции человеческой деятельности и открывающим эти потенции в актах обмена, во взаимном „стимулировании“. Экономика таким образом начинает ориентироваться не на логику вещей, а на логику бытия людей, их деятельности и развития.

МАРКСИЗМ – совокупность марксистски ориентированных учений (советский марксизм, фрейдомарксизм, антигуманистический марксизм, критическая теория), не образующая определенно-го единства.

Учение самого Маркса является продуктом ряда разнородных (экономических, исторических, политических, методологических) исследований и предположений. Широта этих исследований и воплощенных в них интересов не укладывается без ущерба и потерь в жесткую схему или однозначное определение. До настоящего времени сохраняют значение: марксов анализ классического капитализма, перспектив научно-теоретических схем бытия особых исторических систем, попытки характеристики особой логики особых объектов, схемы периодизации социальных форм в зависимости от индивидуального развития людей и соответствующих механизмов социальных связей.

МЕТАФИЗИКА СОЦИАЛЬНАЯ – совокупность понятий и представлений, выявляющих, фиксирующих, связывающих не-физическое, сверхфизическое бытие социальных процессов, те качества и свойства последних, что возникают, воспроизводятся и трансформируются в ходе их реализации. М. с. обнаруживает социальное бытие людей и вещей за рамками их непосредственно пространствен-

ного, телесного проявления и взаимодействия. Подобная метафизичность понятий и представлений свойственна любому человеку, поскольку он учитывает в своем сознании и деятельности не только то, что непосредственно перед ним расположено, „видит” таким образом „дальше своего носа”. Метафизично в этом смысле любое человеческое сознание, наделенное хотя бы в минимальной степени памятью и предвидением, воображением и со-пониманием бытия (со-бытия) других людей.

Подобная метафизичность характерна и для многих социально-гуманитарных дисциплин (истории, психологии, культурологии), вынужденных в своем исследовании пользоваться моделями непосредственно не данных человеческих и социальных качеств и реконструировать в своих гипотезах и теориях человеческие действия и взаимосвязи.

В данном случае речь идет не о мистическом постижении сверхчувственных свойств людей и вещей, а о вполне естественном стремлении человеческого познания с достаточной определенностью закрепить и использовать некие принципы, понятия, схемы, позволяющие ориентироваться в сложной временной и пространственной организации социальных процессов. (См. „Процессы социальные”).

Можно выделить по крайней мере три обстоятельства, объясняющие практическую и духовно-теоретическую необходимость существования метафизики подобного рода. Во-первых, – развертывание социального бытия во времени, временной характер социальных зависимостей, сопряженная с этим человеческая потребность в реконструировании и проектировании совместной и индивидуальной деятельности. Во-вторых, – процессуальность социального бытия, его постоянная воспроизводимость, его трансформации, обусловленные изменениями в сочетаниях деятельности, в комбинациях их накопленного и живого опыта. Сама временность социального бытия оказывается выражением текучести и конкретного характера совместной деятельности людей, и говоря о времени, мы тут по существу должны иметь в виду время, задаваемое последовательностями и сменяемостью социальных событий. В-третьих, – **определенный** процессуальностью бытия людей чувственно-сверхчувственный **характер** их жизни, а также и включаемых в нее вещей. Все это стимулирует создание специальных картин и схем деятельности, составляющих в связанной совокупности М. с.

Процессуальность человеческого бытия, зафиксированная и проясняемая в М, с., заставляет эту метафизику (в отличие от философских метафизик прошлого) быть динамикой человеческого знания и со-знания, сочетать схемы познания и деятельности людей и схемы изображающие устройство социального бытия. Метафизика социальная, развернутая в учение о схемах (средствах)

познания и исследования, оказывается **методологией** социального анализа. А если она разворачивается в „сторону” изображения социальной реальности она выступает в роли **мировоззрения**, т. е. совокупности ориентиров, картины или карты социального мира, представленной в определенном масштабе. В таком развернутом виде (с учетом ее связей с различными формами человеческого познания) М. с. по сути совпадает с **социальной философией** (См.).

МЕТОДОЛОГИЯ – учение о методе, наука о построении человеческой деятельности. Традиционно наиболее развитой областью м. является методология познавательной деятельности, м. науки.

С точки зрения социальной философии м. как общая теория построения человеческой деятельности обнаруживает свои границы. Социальная философия выявляет общественно-исторические зависимости средств деятельности человека от уровня развития его сил и от характера тех проблем, что перед ним возникают. Пока м. работает с типовыми задачами, смысл ее прост: обеспечить рациональное построение деятельности соответственно существующим нормам. Как только возникает проблема изменения методологии, выработки новых методологических средств, сразу „проявляется” социально-историческая, человеческая обусловленность методологической деятельности.

Сложность отношений методологии и социальной философии определяется тем, что и м. может трактоваться с позиций социальной философии, и социальная философия может характеризоваться в рамках некой обобщенной методологии. Двусмысленность этой ситуации проявляется исторически. Пока в науке доминировала вера в незыблемые познавательные стандарты, социальная философия описывалась и оценивалась в терминах общей методологии познания. Но поскольку в XX в. познавательные стандарты обнаружили свою зависимость от самого процесса познания, от развитости познающего субъекта и от типа познаваемых объектов, постолку в основаниях методологии выявились социальные, человеческие, культурные, исторические „измерения” и потребовалось их социально-философское осмысление. В этом плане м. (как и „чистое” познание) обнаружила свою условность, условность не в смысле ненадежности, а в смысле зависимости от определенных условий воспроизводящейся деятельности людей.

В развитии современной методологии и теории познания все большее место занимают вопросы, связанные с выяснением динамики познавательных проблем, культурно-исторической природы познавательных средств, изменчивости категорий и понятий, формированием новых познавательных установок и т. д. Эти вопросы так или иначе сопряжены с включением в анализ методологии социально-философских представлений. Короче говоря, там, где

речь идет о динамике м., неизбежно возникает проблема ее социально-философского обоснования.

Социальная философия и сама выполняет методологическую функцию по отношению к социально-гуманитарным дисциплинам. Но на современном этапе эта функция связана не с предписыванием отдельным дисциплинам норм и правил исследования, а с выяснением характера проблем и парадоксов, требующих переработки познавательного аппарата отдельных наук и обществознания в целом. Скажем, сложности исследования личности в социологии и психологии продиктованы во многом тем, что эти науки исходят не из бытия людей и проблем их самореализации, а из сложившейся в обществознании системы разделения труда, когда связи людей рассматриваются в социологии, а их спонтанная деятельность — в психологии. Эта проблема не решается в рамках этих дисциплин, взятых по отдельности. Необходим анализ системы обществознания, ее противоречий и перспектив развития, ориентированных не на отдельные предметы наук, а на само бытие человеческих индивидов. Намечая это поле проблем и перспектив, социальная философия создает необходимое „методологическое напряжение” для выработки новых форм описания и объяснения социального бытия.

Методологическая работа социальной философии не ограничивается анализом познания, она рассматривает схемы деятельности, воспроизводящие социальное бытие и создаваемые людьми для его обновления. В поле методологического анализа всплывают проблемы повседневной жизни людей, их общения и поведения; задачей методологии становится выяснение, конструирование и преобразование схем деятельности, „встроенных” в повседневный опыт человеческих индивидов. На стыке м. познания и м. обыденной деятельности людей явственными становятся изменения характера методологии: из м. общих норм и правил деятельности она превращается в м. постановки и прояснения человеческих проблем. Таким образом сама методология приобретает статус проблемы культуры, становится важным пунктом осмысления и переосмысления современной культурной проблематики.

Внимание м. к схемам обыденного поведения и мышления людей объясняется прежде всего тем, что в повседневном опыте людей перестают играть прежнюю роль традиции и стандарты деятельности. Действия и поступки людей, их общение и мышление утрачивают черты „естественности”, которая проявлялась в стереотипных актах. Автоматизмы человеческого бытия уступают свое направляющее значение ориентирам, вырабатываемым людьми в процессе постановки и решения конкретных жизненных задач. Проектирование и создание схем деятельности становится насущно важным вопросом для все большего числа людей. Способность

людей к совершению подобного рода работы – это вопрос существования, обновления и выживания современной культуры. Иными словами, современная культура живет и обновляется в значительной мере благодаря тому, что осмысливает и использует свою методологичность, культивирует и развивает социально-гуманитарные аспекты методологии. (См.: „Деятельность”, „Культура”, „Постиндустриальное общество”).

МОДЕЛЬ СИТУАЦИИ – форма личного знания индивидов о ситуации, в которой происходит коммуникация. В основе м. с., по мнению ван Дейка, лежит то, что „происходит в уме” человека, когда он является наблюдателем или участников коммуникативного процесса. М. с. включает личное знание относительно ситуаций, и это знание представляет собой результат обработки предыдущего опыта, накопленного в столкновениях с ситуациями такого рода. М. с. („хождение на работу”, „поездка в транспорте”, „покупка”, „разговор с начальником”) – информация, которая является своеобразной памятью дискурса, обеспечивающей его устойчивость, интерпретируемость, манифестируемость. Такая информация необходима индивиду для планирования своих действий, их осуществления в условиях присутствия (актуального или потенциального) других людей. Понимание действий других возможно в той мере, в какой индивид обладает знанием о принципах ситуационной развертки поведения. М. с. обеспечивают необходимый референциальный базис для локальной или глобальной когерентности дискурса: дискурс или локальный ход дискурса считается когерентным, если адресат речи сможет сконструировать или активизировать возможную модель или ее фрагмент. Действие или коммуникативный ход интерпретируемо, если оно вписано в определенную м. с. Модели возникают и трансформируются применительно к повторяющимся действиям или событиям, однако модели могут возникать и в связи с уникальными ситуациями, скажем, „встреча с необычным человеком, происшедшая в прошлом году”. Люди постоянно создают модели, избирательно подходя к различным событиям. Возможность упаковки (ин-формирования) многообразных ситуаций в эпизодические м. с. свидетельствует о наличии эффективных стратегий анализа процесса общения. Понятие о м. с. трансформирует проблему представлений о реальном мире в проблемы анализа когнитивных м. с. и стратегий обработки дискурса. Индивидуальные и групповые различия в представлениях о социальной реальности можно объяснить не на основе социального детерминизма (различие позиций в системе отношений формирует различие в представлениях), а на основе различия когнитивных моделей обработки дискурса, формируемых самими людьми на основе личного опыта.

Н

НАТУРАЛИЗМ – направление в философии, отождествляющее природные явления с социальными процессами, распространяющее принципы и методы естественных наук на область социального познания. Хотя существует множество разновидностей Н. в социально-философском анализе, они единодушны в отношении трех фундаментальных предпосылок, на которых основывается направление в целом: 1) социальные явления с точки зрения методологической задачи качественно те же, что и природные явления; 2) методы исследования, применяемые в естественных науках, применимы и в социально-философском анализе; 3) социально-философский анализ сводится к выработке обобщенных, эмпирически обоснованных теоретических положений, которые должны стать ориентиром для прогнозирования социальных процессов. В результате Н. объясняет социальную реальность, как нечто внешнее, создаваемое во внешнем социальном мире взаимоотношениями между такими внешними по отношению к индивидам факторами, как нормы и ценности. А это ведет к незаконной реификации общества. Вопрос о том, каким образом конституируется такая социальная реальность остается открытым. Социальный мир начинает восприниматься как сама собой разумеющаяся основа, исходя из которой объясняется вся социальная деятельность.

Используемая естественными науками теория соответствует природе мира, не обладающего внутренне присущей ему структурой значений. Применять эту теорию к социальной реальности, экзистенциальному продукту человеческой деятельности, значит неправильно понимать как природу этого мира, так и специфику применяемых принципов и методов. Задача социально-философского анализа заключена в применении методов, объясняющих само взаимоотношение природного и социального миров и соответствующих теоретических установок.

О

ОБРАЗОВАНИЕ – буквально – создание образа. Впервые этот термин употребил в педагогических работах русский просветитель-демократ Н. И. Новиков. Вплоть до первой половины XIX в. слово „образование” не имело специального терминологического содержания. Затем оно все чаще стало связываться с обучением и, наконец начинает пониматься как процесс и результат усвоения человеком систематизированных знаний, умений и навыков. Образование в этом смысле есть часть воспитания, более того, воспитание осуществляется через процесс образования.

Специфику образования точно подметил и выделил еще Н. Г. Чернышевский: „Три качества, – писал он, – обширные зна-

ния, привычка мыслить и благородство чувств – необходимы для того, чтобы человек был образованным в полном смысле слова”.

Если на предшествующем этапе развития отечественной педагогики взгляд на приобретение знаний, умений, навыков в процессе образования страдал определенной механистичностью, и образование чаще рассматривалось просто как сопутствующее звено воспитания, то на современном этапе образование понимается как плодотворный процесс соединения знаний с качествами личности, вследствие чего эти знания и сформированное на их базе мировоззрение, нравственно-эстетическая культура приобретают индивидуализированный образ, личностное своеобразие, т. е. глубоко внедряются в структуру личности и позитивно преобразуют ее.

Правильно организованный процесс образования перерастает в **самообразование**, которое наряду с различными формами обучения осуществляет идею непрерывного образования человека в течение всей его жизни. (См.: „Воспитание”).

ОБУЧЕНИЕ – в самом широком плане – система организации способов передачи социального опыта индивиду.

В более узком практическом смысле обучение – целенаправленный процесс взаимодействия преподавателя и учащихся, в ходе которого решается задача образования учеников и осуществляется их воспитание и развитие. Обучение всегда происходит на **личностном уровне** и является главным средством и звеном образования, поэтому обучение – самая важная часть целостного педагогического процесса, в котором ученику как активному субъекту учебно-познавательной деятельности отводится ведущая роль.

Основная задача учителя в обучении сводится к умению активно стимулировать познавательную деятельность ученика, адекватную целям обучения. Именно при этом условии совместная внешняя деятельность учителя и ученика по обучению перейдет в процессе интериоризации во внутреннюю свернутую учебную деятельность самого ученика. Если ранее обучение чаще рассматривалось как процесс „преподнесения” учителем готовых знаний ученику и было ориентировано в основном на запоминание необходимого объема программного материала, то современную позицию отличает подход, при котором учитель и ученик, сотрудничая, совместно „добывают” знания в учебной деятельности. С этой точки зрения обучение уже планируется и организуется как самостоятельная исследовательская деятельность самого обучаемого. Поэтому эта деятельность должна нести в себе важнейшую сущностную характеристику любого научно-исследовательского процесса – **проблемность**.

Проблемное обучение осуществляется прежде всего через постановку, осознание и решений в ходе познавательной деятельности

ти учеником проблемных задач и ситуаций, что в свою очередь способствует не только эффективному освоению системы знаний, умений и навыков, но и активно формирует направленность ученика на самообучение, саморазвитие, самообразование.

В последнее время большое внимание уделяется вопросу развивающего обучения, смысл которого заключается в нахождении, обосновании и реализации таких принципов обучения, осуществление которых влечет за собой высокий уровень развития личности учащегося. Наибольшее признание получили принципы развивающего обучения, разработанные Л. В. Занковым, суть которых отражена в следующих положениях: а) ведущая роль теоретических знаний в содержании обучения; б) осознание учащимся всех звеньев процесса учения; в) обучение на высоком уровне трудности; г) быстрый темп в изучении программного материала. Развивающее обучение в значительной мере способствует формированию навыков творческой учебно-познавательной деятельности ученика и более осмысленному, самостоятельному овладению знаниями.

Проблемное обучение дает возможность „оживить” историю происхождения знаний, показать их связь с конкретными человеческими усилиями. В процессе проблемного обучения могут быть использованы методики, обеспечивающие коллективный поиск средств постановки и решения задач, обнаруживающие роль знаний в общении людей, в выработке ими форм согласованного поведения и взаимопонимания. Таким образом проблемное обучение открывает возможности для „связывания” личностного смысла познания и его социального значения.

ОБЩЕСТВО, СОЦИАЛЬНОЕ, СОЦИАЛЬНОСТЬ – сумма связей, совокупность или система отношений, возникающих из совместной жизни людей, воспроизводимых и трансформируемых их деятельностью. Социальность так. обр. – взаимообусловленность жизни людей, т. е. взаимообусловленность их жизнью друг друга, процессами и результатами совместной и индивидуальной деятельности.

Проблема заключается в том, что система связей людей может пониматься как то, 1) что существует „в людях” и „через людей” и как то, что 2) существует „рядом с людьми” или „над ними”. Иначе говоря, общество может определяться как нечто, возникающее из жизни людей, а может быть представлено и как нечто отдельное от этой жизни, ее обуславливающее и даже предопределяющее.

Соотношение общества и людей, социального и индивидного несколько проясняется через анализ соотношения общества и государства. Если общество и государство отождествляются, то тогда

общество может быть представлено как особая система, куда „включаются”, в которой социализируются индивиды. Если же общество и государство фиксируются как разные формы, более того, государство характеризуется как одна из подсистем общества, тогда и в общественных связях раскрываются их зависимости от движения индивидуальных сил и способностей, от самореализации людей.

В данном пункте „в действие” наряду с логикой вступает история. Социально-философский анализ ориентирован на изменение, динамику форм социальности, общества, государства, индивидуальной самореализации. Соответственно, предпочтение тогда отдается не общим определениям и категориям, а усмотрению логики эволюции социальных связей, динамике форм социальности, создаваемых людьми.

В публицистике понятие „социальное” иногда используется в узком смысле, для обозначения внепроизводственной сферы жизни людей.

ОБЪЕКТ, ОБЪЕКТИВНОСТЬ, ОБЪЕКТНОСТЬ – характеристики реальности, на которую человек обращает свою деятельность или направляет свое познание. Объект – часть бытия, противостоящая человеку в его познании или деятельности, обуславливающее эту деятельность обстоятельство (обстановка, обстояние дел), из которого человек вынужден исходить.

Объективность – свойство реальности быть независимой от субъекта, а также способность субъекта фиксировать реальность как независящую от него и его познания.

В основе традиционного понимания этих категорий лежит познавательная, гносеологическая трактовка отношений человека и мира, субъекта и объекта. В предшествующей философии (в том числе и догматическом марксизме) действовала сознательная или неявная абсолютизация этой трактовки. В результате как бы затемнялась бытийная, онтологическая (См. „Онтология социальная”) связь человека с миром, а зачастую она толковалась с позиций познаний, с позиций гносеологии.

Современная социальная философия рассматривает человека (людей) и объект (объекты), их связи как моменты социального процесса, которые могут меняться местами в ходе воспроизводства и обновления социального бытия. Объекты могут оказаться отчасти или в значительной мере продуктами деятельности людей. И хотя человек и не создает природные объекты, он в силу своей развитости выявляет новые их типы, с которыми его предшественники дела не имели. Что касается объектов своего социального бытия, то с точки зрения социального процесса человек может их рассматривать и практически реализовать (сохранить, использо-

вать, уничтожить) как продукты и результаты деятельности людей.

ОНТОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНАЯ (онто – сущее, логос – понятие [греч.]) – учение с бытии общества. В современной интерпретации учение о бытии общества, включающее учение о человеке, о человеческих индивидах, взаимообусловленных в их самореализации. Вопрос о месте и значении человеческих индивидов в структурах социального бытия вырастает по мере того, как само социальное бытие начинает все более трактоваться в качестве процесса, в формах его воспроизведения и обновления, в формах, сочетающих различным образом его воспроизводство и изменение. Говоря традиционным философским языком, значение человеческих индивидов в социальном бытии (соответственно, – в тех онтологических схемах, которые его описывают) возрастает по мере того, как социальное бытие предстает как становление. В этом плане взаимосвязанное бытие людей оказывается фундаментальным слоем социального бытия, а различные сочетания индивидного бытия людей обнаруживают значение „ядерных” сил и структур социального процесса.

О. с. является своего рода теорией – или системой схем – отображающей динамику и структуру социального процесса, конкретные формы его реализации в деятельности людей и различных ее комбинациях. О. с. выстраивается в ходе обобщений человеческого опыта, преломившегося в знании, добываемом социально-гуманитарными дисциплинами, выразившегося в осознании людьми проблемности их повседневной практики. О. с. таким образом не постулируется – как это было в традиционной философии – но „выводится” из различных форм социального опыта, вырабатываемых в ходе осмысления разнообразных человеческих проблем. Она как бы дает „стоп-кадр”, обобщенный образ социального бытия и в этом качестве может служить системой ориентиров, т. е. мировоззрением. (См. „Социальная философия”).

ОТНОШЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫЕ – в широком смысле вся система связей и зависимостей человеческой деятельности и жизни социальных индивидов в обществе. В более узком и специальном смысле – опосредованные связи и зависимости между людьми, определяющие возможность взаимодействий между людьми во времени и пространстве, вне их непосредственного контакта, а зачастую и вне прямого осознания „механики” подобных взаимодействий. Жизненная необходимость этих связей закрепляется, с одной стороны, предметными условиями, средствами и результатами деятельности людей, курсирующими в обществе как бы независимо от создающих их людей, с другой стороны, потребностями, интересами, желаниями, установками человеческих индивидов, „на-

правляющими" людей на контакт с опредмеченными социальными качествами и человеческими силами.

В архаических обществах О. о. и непосредственные социальные зависимости людей почти не отделены друг от друга. Конечно, структура рода как целого, его традиции, мифы и ритуалы опосредуют жизнь индивидов, их отношения друг к другу и к родовой целостности, однако эти опосредования в основном подкрепляют личностную зависимость индивидов от их сородичей и социальной организации.

О. о. в собственном смысле выделяются тогда, когда возникновение средств межэтнического, межкультурного, а затем и торгово-экономического общения между различными общественными образованиями создает целую систему социальных опосредований, „вклинивающуюся" в непосредственные связи людей, групп, социальных слоев и других человеческих сообществ. Развитие индустриального общества формирует машинное производство, экономику, оперирующую абстрактными социальными качествами, особую логику вещей для измерения человеческих потенций и действий. Появляется возможность изучать людей по воплощениям и опосредованиям их деятельности.

ОТЧУЖДЕНИЕ – категория, описывающая парадоксальность человеческого бытия, процессы и ситуации, в которых человек становится чужд **своей собственной** деятельности, ее условиям, средствам и результатам и самому себе.

Социальная философия ориентирована не столько на общие определения отчуждения, его сущности, „природы" и т. п., сколько на выяснение его различных социально-исторических форм, на эволюцию самой проблемы О. и на выявление динамики социальных концепций О., сменяющих друг друга в философии и общественном сознании. Среди последних особое место занимают концепции немецкой философской классики XIX в., связавшие проблемы О. с трактовкой человеческой деятельности, таких ее характеристик как объективация, овещнение, опредмечивание. В этих концепциях, в частности в концепции К. Маркса, была сделана попытка отделить О. человеческих сил, от их опредмечивания, обобществления и объективации. Маркс рассматривал О. как присвоение одними людьми сил, средств и результатов деятельности, принадлежащих другим, т. е. он трактовал О. как общественное отношение, как отношение собственности. Впоследствии эта идея была вульгаризована, и понимание собственности сузилось до понимания вещественного богатства, а преодоление О. стало представляться как преодоление таким образом понимаемой собственности.

В XX в. на первый план в проблеме О. вышел вопрос о „машинизированном" экстенсивном растрачивании человеческих и природ-

ных ресурсов. Попытки создать интенсивные, ориентированные на качество жизни формы производства, экономики, технологии, социальной организации (См. Постиндустриальное общество) подчеркнули значение личностных форм бытия людей, их самореализации и развития. Экологический аспект проблемы О. оказался также связанным с возможностями общества освободиться от машинизированных социальных форм.

П

ПАРАДИГМА – совокупность устойчивых и общедоступных схем научной деятельности, предполагающая единство в толковании теории, в организации исследований и интерпретации результатов. Понятие П. введено в современную философию науки Куном, для объяснения функционирования „нормальной науки“. Формирование устойчивой и общепризнанной П. является признаком „нормальной науки“. Смена П. свидетельствует о наступлении научной революции, что результируется в значительном изменении совокупности принятых научным сообществом норм, ценностей и установок.

Основная концептуальная нагрузка П. заключается в том, что она ориентирует научное сообщество и исследовательскую деятельность на использование теории для предсказания новых феноменальных областей, а также на уяснение самой П. посредством переформулирования имеющихся теорий. В этом смысле П. представляется не просто каким-то устойчивым набором жестких предписаний, а обладает внутренней динамикой и подвижностью. В связи с неопределенностью понятия П., связанной с противоречием логической и психолого-исторической коннотаций термина, Кун в последующем эксплицировал его значение через дисциплинарную матрицу. П. как дисциплинарная матрица осуществляется в символическом выражении законов, в моделях интерпретации этих законов, в примерах как методически унифицированных решениях типичных проблем с помощью стандартизированного инструментария. Примерами П. могут служить аристотелевская динамика, птолемеявская астрономия, ньютоновская механика.

Понятие П. используется в современной западной социологии для диагноза ее современного состояния и предсказания перспектив ее дальнейшего развития.

ПИСЬМО – понятие, широко используемое в постструктуралистской практике для критики Западной метафизики с ее логоцентризмом. Парадигматической для метафизики является оппозиция между речью и письмом. Приоритет речи конституирует полноту присутствия и логоса. П. при этом оказывается производным от речи, логоса, присутствия как коррелят истории, материальнос-

ти, отсутствия. Постструктуралистическая установка к П. является результатом отвержения первичности присутствия, логоса.

Именно возможность П. гарантирует абсолютную идеальную объективность, историзацию и традиционализацию смысла. Без такой пространственно-временной записи объективация соответствовала бы интенции говорящего субъекта. Например, „протогеометр”, создавая идеальный геометрический объект, должен был учитывать предел, полагаемый речью для транспортировки смысла этого идеального объекта. При этом он необходимо обращается к письму. Именно посредством П. мы способны всегда воспроизводить, повторить изначальный смысл, т. е. акт чистой мысли, который создавал этот идеальный смысл. Освобождение идеального смысла, неограниченная возможность его повторения, воспроизведения, гарантирующая его понимаемость в отсутствии эмпирических субъектов обеспечивается именно возможностью П.

Осознание конституирующей роли П. относительно идеальности, трансцендентальности, смысла не предполагает, однако, реабилитации П. Деконструкция (см.) оппозиции речь и П. нацелена на установление закона, объясняющего, почему и как то, что предположительно является идеальным, всегда подрывается своей противоположностью, и почему идеальное не может быть помыслено без отношения к П.

ПОЗИТИВИЗМ – (позитивус [латинск.] – положительный) – ведущее направление в методологии социального анализа и социологии XX в. П. утверждает себя как положительное знание социальности, аналогичное естественно-научному знанию, опирающемуся на эмпирически данную логику вещей. П. противопоставляет себя метафизике (см.), он критикует метафизику за то, что она оперирует принципами и понятиями, указывающими на скрытые, сверхчувственные качества и связи людей и вещей: такой подход с точки зрения П. является ненаучным.

Для П. характерно рассматривать условия, в которых действуют люди, как некую данность, как квазиприродную обстановку, объективную среду, задающую возможности социализации и самореализации индивидов. Социальная система в такой трактовке оказывается совокупностью функций, определяющих характер и содержание человеческих взаимодействий. Социальность для П. – это прежде всего структура связей, в которую человеческие индивиды „включаются”, которой они вынуждены подчиняться. Такая трактовка социальности, описывающая ее как отчужденную от человеческих индивидов форму, характерна не только для позитивизма „в чистом виде”, но и для ряда других направлений (догматический марксизм, экзистенциализм, неотрейдиизм). Хотя они по-разному оценивают состояние отчужденности социальных связей от

индивидов, они по сути дела позитивистски, т. е. отказываясь от исследования зависимости социальности от индивидов и их бытия, описывают эту ситуацию.

ПОСТ... – приставка, с помощью которой образованы названия ряда философских направлений конца XX в. (постмодернизм, постмарксизм, постпозитивизм). В этих названиях определения направлений даются не через указание на их направленность (предмет, установку), а через отрицание непосредственных предшественников.

ПОНИМАНИЕ – определенный способ бытия, бытия „здесь-бытия“. Феномен П. не относится только к познанию. С П. мы сталкиваемся как в теоретической, так и в повседневной деятельности. Успешность межличностной коммуникации, ориентация в наличной ситуации – все это предполагает в качестве своей основы некоторую понятость и истолкованность. Не познание порождает потребность к пониманию, напротив, потребность в понимании ведет к познанию.

Особый статус феномена П. связан с критикой классического рационализма с его субъект – объектным противопоставлением, внеположенностью исследователя объекту исследования и, соответственно, – метода объяснения, основным содержанием которого является подведение индивидуального под всеобщее. В отличие от неокантианцев и Дильтея, рассматривающих П. в сугубо методологическом плане, проблема П. ставится герменевтикой в совершенной иной плоскости. Специфика замысла философской герменевтики состоит в том, что она ставит вопрос об онтологическом статусе П. Речь идет об изначальной „герменевтичности“ существования, об имманентной ему „понимательности“.

П., будучи способом существования, универсально. Последнее сообщает универсальность и герменевтике. Феномен П. пронизывает все отношения человека к миру. Во-первых, с П. связано наше познание мира: познание всегда обусловлено предпониманием, лежащим в основе науки. Во-вторых, понимание предпослано всякой человеческой коммуникации; П. выступает и как метод анализа такой коммуникации, и как условие последней. В-третьих, без углубления в феномен П. невозможна разработка практической философии. Для истолкования феномена П. недостает средств, предлагаемых наукой. Моделью более совершенной может служить опыт искусства.

Феномен П. связывается с формированием неклассического идеала рациональности.

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО – социальная форма, вырабатываемая и определяемая в процессе эволюции и преобразования общества индустриального; соответствует характеру и

уровню развития многих стран Западной Европы и Северной Америки в конце XX столетия.

В названии П. о. его специфика непосредственно не представлена. Его определения даются по принципу сопоставления его с индустриальным обществом или в противопоставлениях последнему. Например, П. о., в отличие от общества индустриального, более не рассматривает природу как „склад” сырья для экстенсивно развивающейся экономики. Соответственно этому, производство П. о. ориентировано не на объемы, а на качество продукции, на разнообразие рынка, на потребителя. Интенсификация производства фокусирует внимание на качестве деятельности людей, следовательно, – и на личности работника. Проблема квалификации, образованности, компетентности людей, занятых в производстве, становится условием его продуктивности и экономичности. Стоимость и ценность человеческой деятельности и ее продуктов определяется тем качеством усилий, способностей, информации, что в ней воплощены.

В культуре постиндустриального общества большое значение приобретает тема преодоления стандартов: она оказывается важной как в плане непосредственно экономическом, так и в плане стимулирования творческой деятельности людей, развертывания межкультурных контактов, диалоговых форм социальных, политических, технологических взаимодействий между различными социальными группами. Особое значение эта тема имеет в аспекте отношений общества и природы: вырабатывается стратегия взаимодействия с природой, исходящая не из одномерного представления о вечных законах природы, а из представления о совокупности разнобразных и самобытных природных систем.

ПОСТМОДЕРНИЗМ – явление характерное для Запада в последние десятилетия, выразившееся в конструктивной критике принципов классического рационализма и традиционных ориентиров метафизического мышления. Хотя наличие многочисленных любопытных концепций П. свидетельствует о действительности ситуации, однако П. не имеет парадигматического определения. П. вовсе не является логическим понятием, определяющим реально существующий объект. Поэтому неправомерна логическая или хронологическая локализация П., хотя такая возможность может иметь место. Сам термин указывает на то, что это явление во многих своих формах и аспектах продолжает и завершает традиции модернизма. И тогда основные характеристики П. будут строиться на основании того, что понимается под модернизмом и с какого времени последний берет свой отсчет.

Но если учесть, что история всегда мыслилась как история бытия (присутствия) в модусе живого настоящего, и, что внутри фило-

софии нет возможного возражения относительно этой привилегии живого настоящего, поскольку именно последнее и определяет философию как философию, ее очевидность и истинность, тогда вся история и философия оказывается модернистской. Но если мы сейчас будем вопрошать саму идею живого настоящего, тогда выяснится, что она как чистый феномен возможна исключительно внутри движения темпорализации. Живое настоящее изначально подрывается движением темпорализации. И именно П. изначально предполагается историей, историчностью.

Тогда получается, что, во-первых, темпорализация, историчность исключают саму возможность хронологического или логического локализования П., поскольку он всегда уже был. Во-вторых, модернизм, по сути, недостижим и недостижим. Но таковое стало возможным только потому, что модернизм однажды бул уже помыслен (наиболее радикальную версию модернизма мыслил Гегель).

Ядерной структурой П. является **деконструкция** – критика метафизики присутствия, мышления в противоположностях, замещение генеалогических повествований онтологиями, расчленение субъекта как центра системы репрезентации, философствование без субъекта. Реальность настолько реалистична, что изначально исключается возможность ее воспроизведения, репрезентации. Реальность сама по себе репрезентативна, фиктивна, симулятивна. Отсюда следует отказ от традиционных логических оппозиций (объект – субъект, внутреннее – внешнее).

В плане социально-философского анализа П. может быть понят как частичное выражение новой ситуации, в которой общество, люди, культура, философия пытаются обнаружить продуктивные связи традиции и инновации, сохранения и обновления социальных форм. Время, когда доминировала традиция, давно миновало. Но и эпоха доминирования инновации, в этом смысле эпоха **модернизма**, подходит к концу. Возникают мотивы открытия инноваций внутри традиции, которая была формой **воспроизведения** социального опыта, и включения традиции (точнее разных традиций) в делящийся диалог (полилог) культур, социальных общностей, художественных, научных направлений, религиозных движений. Поскольку все эти субъекты, системы и направления деятельности людей оказываются в известной мере синхронными и равноправными, вопрос их новизны уступает место вопросу об их сочтаниях, формах их взаимодействия, о языке их взаимопонимания. В этом плане перспектива **деавтоматизации** культурных стандартов и **деконструкции**, привилегированных позиций, намечаемая П., имеет серьезный культурный смысл. Однако в плане собственно постмодернистских подходов этот смысл дан иронически.

ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ – общее название проблем, подходов и направлений в философии, связанных с определением условий возможности и невозможности традиционного структурализма. Для того, чтобы понять своеобразие постановки и анализа проблем в П., сначала необходимо выяснить значение современного понятия структуры. Для того, чтобы уяснить, почему мы говорим „структура“, необходимо знать, почему мы не желаем больше говорить „эйдос“, „сущность“, „конструкция“, „гештальт“, „тотальность“, „организм“ и т. д. Важно объяснить не только то, почему все эти понятия оказались недостаточными в теоретическом отношении, но также, почему понятие структуры, будучи призванным заменить эти понятия, тем не менее продолжает заимствовать некоторые значения из этих понятий. То, что объединяет понятие структуры со всеми этими понятиями, является закрытость, завершенность, в соответствии с которой переход от одной структуры к другой может быть помыслен только в смысле случая или катастрофы. Важно также заметить, что традиционное определение структуры всегда мыслится центрированным. Понятие структуры всегда фиксируется относительно некоторого самотождественного начала. Этот аспект закрытости, завершенности особенно подчеркивается метафорической пространственностью структуры. „Разборка“ и „сборка“ структуры прежде всего предполагает заключение в скобки пространственности, вызываемой метафорой структуры. И только тематизируя и исключая из понятия структуры все образные коннотации, геометрическую репрезентацию унифицированного и центрированного пространства, мы способны будем помыслить „структуральность структуры“.

Идея о „структуральности структуры“ предполагает возможность, в соответствии с которой структура всегда подлежала самотождественному центру. Но в то же время, она означает децентрацию структуры, попытку помыслить открытость структуры, помыслить то, что всегда выходит за пределы данной структуры. „Структуральность структуры“ как раз призвана обозначить то, что обуславливает возможность открытости, выхода за пределы закрытости структуры. Это же означает, что „структуральность структуры“ не может предполагать некую глубинную или более фундаментальную структуру, внеположенную относительно наличной структуры. Например, социальные институты (см.) традиционно рассматриваются как относительно устойчивый набор норм и правил, регулирующий определенный вид человеческой деятельности. Относительно устойчивым социальным институтам противопоставляются индивиды как конечные существа. „Структуральность структуры“ применительно к социальным институтам означает, что индивид в одно и то же время в силу собственной конеч-

ности и несамотождественности обуславливает возможность и невозможность устойчивых социальных институтов.

П. практика по-разному вычленяет „структуральность структуры”. Деррида выделяет неразрешимости – различие, дополнительность, след и т. д. – которые обуславливают возможность и невозможность классического философского дискурса. Делез с его идеей различия – укорененности человека, подобно траве, не имеющей главного корня, стремится противостоять классическим теориям системы, генезиса, идентичности. Место субъекта занимает желание. Бодрийяр заменяет репрезентативную модель на симулятивную. Выносятся смертный приговор референции. Реальность исчезает как таковая и может существовать лишь как эффект замкнутого на себе процесса симуляции. При этом П. ясно осознает собственные границы, наследуемые от структурализма. (См. „Деконструкция”, „Структурализм”).

ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛЬНЫЕ – совокупности человеческих действий, обуславливающие воспроизводство и развитие общества, определяющие сохранение и трансформации связей социального бытия.

Вопрос о процессуальности социального бытия порождается самой дискретностью, т. е. прерывностью человеческой реальности, поиском практических и теоретических „указателей” на силы или форма, „стягивающие” отдельные фрагменты жизни общества в некое целое. Именно в свете этого вопроса становится понятным, что фрагменты социального бытия существуют не сами по себе, а как обособления и отдельные моменты социальных процессов. В этих процессах они собственно и обнаруживают свое не-физическое, т. е. социальное качество.

Для понимания социального процесса особое значение имеет понятие **деятельности**. С помощью этого понятия удается показать, как осуществляется **перенос** человеческих сил и способностей из одной сферы общества в другую, как трансформируются усилия одних индивидов в условия жизни других, как соединяются человеческие действия в пространстве и во времени, образуя устойчивые и вместе с тем динамичные связи человеческого бытия.

Значимость понятия П. с. не осознавалась прежде в достаточной степени. В условиях, когда господствуют формы непосредственной зависимости между людьми, когда их социальная связь выражена в простой кооперации и совместности, – особой потребности в понимании процесса социального бытия не возникает. Но когда непосредственные зависимости людей начинают уступать свое место опосредованным связям (отношениям) их во времени и пространстве, тогда возникает и практическая и теоретическая необ-

ходимость в осмыслении П. с., а самое понятие социального процесса начинает оказывать сильное воздействие на характер и содержание социально-философского познания, на ключевые понятия обществознания.

Люди и вещи, составляющие „плоть” социального бытия, обнаруживают **социальные качества**, причем само обнаружение социальных качеств людей и вещей оказывается в зависимости от их процессуальной соотнесенности, когда человек раскрывает свою силу как способность к определенной деятельности, а вещь выявляет воплощенные в ней, но прямо не представленные социальные качества, свойства, схемы, связи и т. п.

Различные социальные формы, например, социальные институты (см.) обнаруживают свою устойчивость как **динамику**, как воспроизводимость в социальных процессах, как устойчивость **функционирования** в текущем и изменчивом социальном бытии (см. „Рекурсивность”).

Социальная философия, помещая понятие о С. п. в фокус своего рассмотрения, все более становится **метафизикой** особого рода, обнаруживающей процессуальный характер социальных связей, различных их композиций и воплощений, исследующей и описывающей зависимости последних от различных видов деятельности и самореализации людей. Проблема сочетания, взаимовыражения и опосредования чувственно-предметного и скрытого (сверхчувственного) бытия людей и вещей входит в круг важнейших методологических проблем социальной философии и обществознания. Необходимость **вскрывать** и описывать динамичные, скрытые и чувственно не представленные социальные зависимости выводит на первый план задачи научно-рационального объяснения социального бытия и вместе с тем указывает на недостаточность классической рациональности, на потребность выработки новых типов рациональности. (См. „Формы социальные”).

Р

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ – термин имеет два различных значения:

1) Парето использовал термин Р. в качестве характеристики псевдо-объяснений индивидами своих мотивов деятельности для их оправдания; 2) одно из основных понятий Вебера для анализа современного капитализма, характеризующее разнообразные процессы, посредством которых различные аспекты человеческой деятельности подлежат калькуляции, контролю и измерению. В процессе изучения религии Вебер анализировал феномен расколдовывания мира, т. е. процесс разрушения магического-мифологического воззрения на мир под воздействием мировых религий. Рассматривая все это как универсальный процесс Р., Вебер особое вни-

мание уделял тому, как этот процесс порождает распространение целерациональности на все общественные процессы.

Для Вебера Р. вовлечена 1) в экономическую организацию – бюрократизацией организационных структур и калькуляцией доходов, системой объяснительных процедур, методическим планированием и регламентацией; 2) в политику – разрушением традиционных норм легитимтации и заменой харизматического господства партийной машиной; 3) в религию – развитием интеллектуального слоя теологов и заменой святости личной ответственностью; 4) в науку – элиминацией индивидуального творчества и развитием исследовательских групп, государственно ориентированной научной политики; 5) в общество в целом – распространением бюрократии, государственного контроля и администрации. Процесс Р. служил для Вебера объяснительным принципом капиталистического общества, в котором индивиды, закабаленные институционными нормами и моральными законами, все более и более подлежат государственному надзору и бюрократическому манипулированию.

Подобно процессу отчуждения, Р. предполагает разведение индивидуального и общественного и субординацию индивидов в политическом и экономическом порядке.

РЕДУКЦИЯ – сведение конкретного бытия человеческих индивидов (как, впрочем, и любых предметов, входящих в состав социального бытия) к неким общим свойствам, абстракциям (см.: Абстракции реальные).

Р. – методологический прием, т. е. прием действия и исследования, и вместе с тем реальный процесс, сводящий индивидуальные качества людей к общим формам их взаимодействия. Р. имеет место в человеческой деятельности, когда та сводится к труду, в труде, когда он сводится к абстрактному времени. Р. реализуется в актах общения, когда индивидуальные поступки и высказывания сводятся к принятым нормам языка и поведения. Р. играет важную роль в научных исследованиях, сводя сложные задачи к простым.

Таким образом, Р. является моментом человеческих взаимодействий в обществе, но не исчерпывает их многообразия и содержательности.

Редукционизм – в этом плане – как раз и выступает в качестве деятельности или исследования, „застрявших” на сведении социального бытия к абстрактным схемам. И тогда общество представляется в виде совокупности законов или классов или структур, и такие представления выдвигаются на роль объяснений общественной жизни. Такой редукционизм создает базу для практического и философского догматизма. Примеры подобного „срастания” редукционизма с догматизмом дают и советский марксизм, и американский социологический позитивизм, и французский структурализм.

РЕКУРСИВНОСТЬ – термин, обозначающий повторяющийся характер человеческой деятельности и любого социального феномена как такового, устанавливающий отношения различия с тем, что повторяется. Ряд функций Р. представляет особую важность для социально-философского анализа.

Р. как повторение. Данность социального феномена может быть признана лишь в том случае, если повторение изначально вписано в структуру этого феномена. Относительно тождественности любого социального феномена, повторение скрывает структурную возможность отсутствия повторяемого. Повторение выступает также условием воспроизведения, репрезентации. Последние изначально вписаны в структуру социального феномена как условия возможности его сингулярного существования.

Р. как источник идеализации и идентификации. По определению, идеальность означает тождественность того же самого вопреки подвергаемым эмпирическим воздействиям, и никакого отношения к эмпирическим событиям не имеет. Идеальность полностью строится на возможности бесконечных актов рекурсии. Она конституируется этой возможностью. Бытие этой идеальности прямо пропорционально власти Р. Абсолютная идеальность является коррелятом возможности бесконечного повторения тождественного. Это же означает, что Р., на основании которой идеальность может быть построена, являет собой предел, конечность этой идеальности. Возможность существования социальных форм как устойчивых самотождественных зависит от бесконечных актов Р.

Р. как изменение. Поскольку Р. конституирует единство, самотождественность отсутствующего повторяемого, это единство всегда уже является не тем, чем предполагает быть. И потому социальный феномен внутри себя всегда уже является другим, Р. в данном случае является конститутивным относительно самой возможности становления, процессуальности.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ – может быть понята в обобщенном смысле представления, в смысле ре-презентации как повторения или ре-продукции произведения, а также в смысле замещения, занятия места. Суть Р. можно выразить следующим образом: существует репрезентативный мир, например языковой мир, который каким-то образом отличен от репрезентируемого мира, например, от неязыкового мира, и существует отношение репрезентации между ними. Например, язык как система символов, знаков репрезентирует, по определению, неязыковую, незнаковую реальность. Т. о. изначальная интенция репрезентации сводится к различию между реальностью и Р.

Неклассическая философия, в частности постструктурализм,

пытается пересмотреть и переосмыслить понимание природы Р. и степени, до которой Р. может считаться удовлетворительной при объяснении реальности. Например, лингвисты предлагают вместо Р. подход, который Деррида, Бодрийяр называют маскировкой, симуляцией, повторением знака. В этой модели знак, в силу своей имотивированности, не репрезентирует реальность, а постоянно повторяет самого себя, каждый раз различаясь от себя, и только таким образом конституируется как знак. Знак, не будучи простой Р., оказывается немыслим в категориях Р. Вернее, Р., маскировка, повторение обнаруживают себя в качестве самой сущности знака. Таким образом, любая другая более или менее удовлетворительная трактовка Р. должна по меньшей мере избежать традиционной дихотомии – реальность – Р., дабы не воспроизводить старую логику Р. Но именно в этом смысле неудовлетворительными являются объяснения исчезновения реальности или репрезентации, так как эти объяснения воспроизводят традиционную логику Р. Реальность не репрезентируется в каких-то структурах, а включает ее (Р.) в собственную возможность. (См. „Симулакрум”).

РЕФЛЕКСИЯ – принцип философского мышления, направленный на осмысление и обоснование собственных предпосылок. Р. становится основным методологическим принципом для философии, начиная с Декарта. Во-первых, Р. означает переход к предметному рассмотрению сознания, и, во-вторых – самосознание, отношение к самому себе, саморефлексия. Именно через самосознание человек освобождается от непосредственного отношения к сущему и, как мыслящее существо, возвышается до субъекта. Р. и обозначает человеческого индивида как субъективность. Это первое эпохальное достижение понятия Р. и характеризует современную метафизику как метафизику субъективности.

Освобождая человека от непосредственного отношения с миром, Р. обеспечивает субъекта свободой. От Декарта до Гуссерля Р. как самосознание выполняла эмансипаторскую функцию. Она конституирует автономию субъекта. Р. в современной метафизике выполняет роль движущей силы истории как прогресса к свободному обществу.

Р. обозначает также трансцендентальные условия, конституирующие основания всего возможного знания вообще. Начиная с Канта, Р. становится априорным условием знания вообще. В трансцендентальной философии Р. становится одновременно и медиумом, и методом, и основанием, посредством которых философия обосновывает себя внутри себя. Другими словами, Р. обосновывает современную философию как философию. История понятия Р. выделяет эмпирическую, логическую, трансцендентальную (и ноэmaticкую) и абсолютную Р. Последняя является наиболее полной формой и в то же время первой критикой парадигмы Р.

В 20 в. закономерными являются критика и возможные варианты преодоления философии Р. (Дильтей, Хайдеггер, Деррида).

С

СВЯЗИ СОЦИАЛЬНЫЕ – зависимости, обуславливающие совместную жизнь и деятельность людей, определяющие совокупность человеческого бытия, называемую обычно обществом.

С. с. могут быть истолкованы почти буквально, когда имеется, например, в виду „привязка” невольника к орудиям труда или „прикрепление” крестьянина к земле. В более широком смысле С. с. охватывают все бытие человеческих индивидов, реализуются через их потребности и способности, интересы и сознание, через условия, средства и результаты их деятельности, через формируемые людьми **социальные институты** (См.).

На ранних этапах человеческой истории доминируют С. с., выраженные в формах непосредственно-личностных зависимостей между людьми. Люди были связаны общим социальным пространством жизни и деятельности и не могли обособленно развиваться в качестве человеческих индивидов, не могли индивидуализировать свое бытие вне связей непосредственной совместности и коллективности.

В процессе развития **индустриального** общества непосредственные связи человеческих индивидов с родом, семьей, общиной, традиционной культурой начинают нарушаться. Все больший вес приобретают **опосредованные** связи между людьми, осуществляющиеся через **процесс** деятельности людей, его условия, результаты и средства. Человеческие качества и силы теперь связываются в основном через предметные опосредования, социальные **вещи**, они соотносятся теперь через абстрагированные измерители, эталоны и стандарты. Т. е. общественные связи обретают форму **общественных отношений**.

В **постиндустриальном** обществе опосредованный характер С. с. сохраняется, но вещественные посредники и измерители соотношения и связи человеческих сил играют меньшую роль, ибо на первый план в организации С. с. выходят **качества** „живой” человеческой деятельности, квалификация, знания и способности людей.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ – теоретическая традиция в западной социологии, сосредоточивающая свое внимание на анализе социальных значений в терминах разделяемого всеми участниками взаимодействия определения ситуации. С. И. представляется как вызов структурному функционализму (см.), хотя и оформляется примерно в то же время, что и функционалистическая теория Парсонса. В С. И. можно выделить „индивидуалистическое” и „коллективистское” течения. Блюмер и современный

интеракционизм придерживаются индивидуалистического течения, в то время как Мид стремился к синтетическому смешению интересов общества и индивида.

Мид стремился объяснить социальный порядок как результат переговоров, возникающий из индивидуальной интеракции. Индивид определяется при этом как момент коллективного структурированного социального действия. Основная цель творчества Мида заключается в демонстрации того, каким образом институты составляют часть „Я”. Такое внутреннее воззрение на институты позволяет рассматривать социальный контроль как разновидность самоконтроля. Оно предусматривает децентрализованное, неформальное общество вместо бюрократического. Блюмер и Гофман представляют индивидуалистическое течение С. И. Будучи не в состоянии объяснить социальный порядок в индивидуалистических терминах, Блюмер вынужден прибегать к коллективистским объяснениям, которые используются как остаточные категории. Гофман представляет общество как состоящее из полностью атомизированных индивидов. Структурированная культурная информация, т. е. знаки, символы, нормы, ценности и т. д., играет здесь относительно незначительную роль. Ситуация полностью определяется участниками интеракции. При этом используются драматургические средства.

С. И. демонстрирует двусмысленность, заключающуюся в неразрешенном противоречии между индивидуалистическим и коллективистским подходами.

СИМУЛАКРУМ (от латин. *simulare* – притворяться) – термин имеет два различных значения в зависимости от репрезентативной и непрезентативной модели применения. Платон определяет С. как копию копии, отражение отражения, которое само обозначает подлинник. В философии Платона С. строится в зависимости от онтологии. Не-истина копии копии связывается с истинной присутствующего референта, истинным повторением которого является первая копия. Но в то же время, поскольку возможность С. изначально вписана в структуру самой реальности, внутри платоновского С. действует неплатоновский, С. без референта. В концепции Бодриера знак первоначально представляет собой отражение некой субстанциональной реальности, впоследствии он начинает искажать ее, на следующем этапе он уже маскирует не что иное как отсутствие подобной реальности; наконец, он обращается в свой собственный симулякр и утрачивает всякое отношение к какой-то реальности.

Диснейленд является превосходной моделью различных порядков симуляции. Диснейленд существует как желание, утверждение того, что он является „реальной” страной, „реальной” Амери-

кой. Диснейленд представляется как воображаемый для того, чтобы мы поверили, что все остальное – реально, в то время как весь Лос-Анджелес и окружающая его американская территория являются не реальными, а, скорее, гиперреальными или симулятивными. Речь в данном случае идет не о ложной репрезентации реальности, а о принятии такого факта, что реальность как таковая изначально включает в собственную структуру симуляцию, репрезентацию, фикцию и, тем самым, спасает сама себя.

Основная функция С. заключается в том, чтобы служить постоянной матрицей для одновременной возможности и невозможности самотождественной реальности. (См. „Постструктурализм“.)

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ – раздел философии, описывающий общество, его законы, его исторические формы, выявляющий логику социальных процессов. В философии XIX в. С. ф. – дисциплина „второстепенная, дополняющая онтологию, гносеологию, антропологию, этику и т. п. В современном обществе роль С. ф. меняется, поскольку она становится выражением динамики общества, тенденций развития современного обществознания, „внутри“ которого – а не „над“ которым, как прежде – оказывается современная философия.

Самообоснование С. ф. и ее самописание являются важными моментами ее методологии. В этом самообосновании С. ф. можно выделить несколько пунктов.

С. ф. и философия истории. С. ф. наследует классической философии истории, в связи с тем, что она, как бы продолжая линию философии истории, занимается проблемами социальной эволюции, вопросом о происхождении форм общества, о направленности социальных процессов. Однако в отличие от философии истории она не постулирует схем исторического процесса, систем его ценностей и смыслов. Она опирается на опыт повседневной деятельности людей и на ту социальную проблематику, которая выявляется (прямо или косвенно) в исследованиях социально-гуманитарных дисциплин. Между философией истории классического типа и С. ф. XX в. как раз и находится этап оформления отдельных наук, исследующих общество и человека и отказавших в середине XIX в. в „доверии“ философии истории как спекулятивному и метафизическому построению. Таким образом, между философией истории и современной С. ф. отсутствует непосредственная связь. „Разрыв“ заполнен господством позитивистских схем исследования и социологией, которая почти на столетие снимает вопрос о философском осмыслении социального бытия и его познания.

Попытка сосредоточить в сфере социологии описание и объяснение общества не увенчались успехом. В середине XX в. социология была вынуждена отступить перед проблемой трансформации

социальных систем и поставить вопрос о „возвращении людей в теорию” (Хоумэнс). Далее она столкнулась с парадоксом социально-исторического обоснования своей собственной методологии. По сути дела социология сама поставила вопрос о ее социально-философском обосновании, о рассмотрении ее как особой формы человеческого познания. Если прежде человек выступал элементом социологического описания, то теперь социология должна была предстать элементом человеческих деятельных связей с миром, историей, культурой. Были и другие стимулы для развития социальной философии как методологически обоснованной совокупности ориентиров социальных процессов и их познания: интенсификация практической жизни общества, вопросы качества человеческой жизни и деятельности, „концентрация” философии вокруг социально-гуманитарной проблематики, проблема социально-исторического обоснования современного познания и его перспектив – соотнесение С. ф. и социологии лишь более подчеркнуто выразило эти тенденции. С. ф. оказалась перед необходимостью формировать мировоззрение, опирающееся на проблемность социального бытия и познания, и дающее некую систему ориентиров человеческой деятельности. Формирование такой системы сопряжено с прояснением проблем и схем деятельности как практической, так и духовно теоретической. Стало быть, мировоззренческая функция С. ф. находится в зависимости от ее методологической работы. В плане динамики, циклического представления социальных процессов эти функции оказываются обуславливающими друг друга и друг в друга переходящими, а С. ф. – особой формой, осознающей прерывность социального процесса и обеспечивающей его континуальность.

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ – комплекс устойчивых принципов, норм, установок, регулирующих определенную сферу человеческой деятельности. Понятие С. И. широко применяется в структурном функционализме. При этом, соответственно видам деятельности, выделяются С. И., представляющие собой аналитическую абстракцию – например, наука, право, государство, система образования, семья как С. И.

В соответствии с исследовательской практикой С. И. описывается в терминах стабильности, устойчивости, перманентности, временной длительности существования. Последние в данном контексте выступают другим обозначением необходимости сохранения тождественности, перманентности того же самого и возможности воспроизведения тождественного вопреки подвергаемым эмпирическим воздействиям и модификациям. Возможность воспроизведения, сохранения тождественности С. И. полностью зависит от рекурсивного характера человеческой деятельности. С. И. конституируется этой возможностью.

Для того чтобы С. И. признавался как таковой, он должен оставаться преимущественно одним и тем же, идентичным, что и обеспечивается рекурсивностью человеческой деятельности, сменяемостью индивидов в силу их конечности. С одной стороны, С. И. остается тождественным, устойчивым в силу индивидуности, с другой стороны, индивидуность может обеспечить сохранение устойчивости в силу собственной несамотождественности, конечности, и естественной сменяемости, рекурсии. Бытие социальных И. прямо пропорционально власти индивидуальной рекурсивности. Абсолютное бытие является коррелятом возможности бесконечного повторения индивидами этой тождественности.

С. И. имеет как свою сущностную форму конституирования тождественности, повторения которой подразумеваются до бесконечности, где повторение является реактивацией начала становления и развития.

См. „Рекурсивность“, „Функционализм“.

СРЕДА СОЦИАЛЬНАЯ – совокупность условий, влияющих на формирование и функционирование человека в обществе, предметная и человеческая обстановка развития личности, ее способностей, потребностей, интересов, сознания.

Концепция С. с. получила распространение в философии, затем в общественных науках и обыденном сознании, когда в обществе в связи с развитием промышленного производства и гражданско-правовых отношений созрели идеи зависимости личности (даже и выдающейся) от строя и характера определенной социальной системы (общества, класса, сословия, группы). Зависимость личности от С. с. трактовалась как связь деятельных, моральных, культурных качеств индивида возможностями и границами С. с. Личность в этом плане представлялась главным образом в качестве „носителя“ или представителя определенной совокупности социальных черт. В плане социально-философской концепции С. с. противостояла историческому субъективизму, в плане методологическом она способствовала пониманию социального индивида как „носителя“, как элемента социальных связей. В этом и состоит ее смысл.

Концепция С. С. зачастую трактуется расширительно. В результате возникает парадокс „центральной“ позиции личности; т. е. личность фиксируется в „центре“ среды, представляется как бы главной ее фигурой, а по сути оказывается существом страдательным, объектом всевозможных воздействий со стороны среды. В такой интерпретации личность утрачивает качества субъектности, т. е. перестает быть личностью в собственном смысле слова. Методологической предпосылкой этого представления является неопределенность понятия „среда“: в нем не зафиксированы личностная взаимообусловленность людей и собственно индивидуальный

состав, воплощающие и реализующие то содержание, что скрывается за понятием С. с. В результате может сформироваться представление, что в обществе кроме взаимодействующих людей самореализуется еще и некая среда.

СТРУКТУРАЛИЗМ – научное направление, возникающее в начале 20 в. на Европейской сцене и связанное с именами Русских Формалистов в области литературной критики, М. Мосса в антропологии, Ф. Соссюра и Н. Трубецкого в лингвистике. С. – это попытка изолировать общие структуры человеческой деятельности. Структура – это единство, состоящее из нескольких элементов. Это единство не может быть расчленено на сингулярные элементы, ибо единство структуры определяется не субстантивной природой элементов, а их взаимоотношениями. В узком смысле возникновение и основная проблематика С. связывается с именами французских структуралистов.

Известно, что лингвистика является той дисциплиной, откуда структуралисты заимствовали свои отличительные понятия: оппозиция между языком и речью, синхроническим и диахроническим порядками, понятие знака как единства означающего и означаемого, отношение которого к референту произвольно или иммобилизовано внутри данной языковой системы. Леви-Стросс, исходя из гипотезы Якобсона, применяет системный анализ языка в антропологических исследованиях. Он утверждает, что система родства является аналогом языковой системы. Развивая эту идентификацию, он считает, что брачные правила и системы родства сформировали ряд процессов, позволяющих устанавливать определенного типа коммуникации между индивидами и группами. Опосредствующим фактором в этой коммуникации выступала женщина, которая так же, как слова в языковой системе, циркулирует между кланами, родами или семьями. Следующей ступенью распространения лингвистической модели была переформулировка Лаканом психоаналитической теории. Бессознательное структурировано как язык; именно язык как таковой формирует область бессознательного, устанавливает порядок связи Другого, желания и его подавления через связь означающих.

Последний шаг в этом ряду экспансий был сделан Деррида, который закрепил претензии языка как универсального сюзерена истинно имперским заявлением: „нет ничего вне текста, ничего до текста, нет предтекста, который уже не есть текст”. Вместе с Деррида совершается самоуничтожение С., скрыто присутствующее у Леви-Стросса или Фуко. Ибо, если в мире признаются исключительно структуры, причем до, вне и независимо от субъектов, что же тогда удостоверяет их объективность? Структуралистские притязания на объективность описания основаны на скрытом разведе-

нии субъекта и объекта. Структура, следовательно, оказывается симулякрумом (см.) объекта. Хотя изначально принимается во внимание тот факт, что объекты изучения не имеют источника в качестве суверенного субъекта или автора, тем не менее власть исследователя-структуралиста не может быть элиминирована из области изучения. Следовательно, структура есть естественный объект плюс разум структуралиста: симулякрум есть разум дополненный к объекту, и это дополнение имеет антропологическое значение.

Отрицание истории, абсолютная условность являются результатов переноса лингвистической модели на социальные процессы. По Леви-Строссу, например, процесс трансформируется в структуры, как в правилах игры в рулетку: диахроническое развитие редуцируется к случайному результату синхронической комбинаторики. Фуко также не объясняет мутаций, приводящих к последовательности эпистем, ссылаясь на роль случая.

Свеобразный ответ постструктурализма на основную проблематику С. основан именно на риторической абсолютизации структуры, на приоритете бинарности, на выявлении „структуральности структур“, игры присутствия и отсутствия.

СТРУКТУРАЦИЯ (структурирование) – процесс оформления социального взаимодействия в пространственно-временную системность. Человеческое действие разворачивается в пространстве-времени (структурируется) и обретает форму своего присутствия для других: благодаря с. действие становится социальной реальностью, интерпретируемой, наглядно присутствующей, воспроизводимой и трансформируемой. Развертка действия в последовательность – временной аспект структуризации, а со-вмещение, взаиморасположение действий – пространственный аспект с.

Структурные свойства социальных систем не существуют вне процесса их постоянного воспроизводства в ходе взаимодействия людей, они одновременно являются и средством и результатом человеческой деятельности. Понятие дуальности структуры (Э. Гидденс) указывает на единство продуктивности и воспроизводимости структурных качеств социальных систем. Структуры, согласно Э. Гидденсу, следует понимать не просто как ограничители человеческой деятельности, но как условия ее возможности и продуктивности. Структуры можно выявлять в процессе с., где они предстают в форме ряда воспроизводимых практических обычаев. Исследовать с. практики – значит объяснять, как структуры формируются благодаря действию и, наоборот, как действие оформляется структурно. Структура не является чем-то внешним по отношению к индивидам: она, скорее, „внутренний“ элемент деятельности – следы памяти, формулы-образцы, сценарии действия. Иллюзия

внешнего действия структуры (системы) связана с моментом рутинизации человеческого действия. Воспроизводимый и прогнозируемый социальный мир конституируется не только как результат усилий социальных акторов, но и независимо от них, как бы сам собою. Но это не означает, что индивиды действуют как автоматы, реализующие функции системы. Наоборот, сознательные и умелые действия акторов, исполняющих и производящих правила, обычаи, как раз и обеспечивают привилегированное положение устойчивым, воспроизводимым моментам в процессе взаимодействия людей.

СУБЪЕКТ, СУБЪЕКТИВНОСТЬ, СУБЪЕКТНОСТЬ – характеристики познания и практической деятельности человека.

Субъект – человек, вступающий в контакт с миром, изменяющий предметную обстановку своего бытия, изменяющий себя (свои качества и силы) в процессе решения практических и духовно-тесретических проблем.

Субъективность – психологический и духовно-мыслительный план, аспект деятельности человека. Традиционная философия сводила субъективность человека к познанию, оценивала субъективность по меркам познавательных стандартов. В таком истолковании человеческая субъективность постоянно представляла как нечто „подозрительное“, как символ ненадежности и ограниченности человеческого опыта.

В социально-философском рассмотрении субъективность предстает в качестве важного аспекта бытия человеческого субъекта, как необходимая форма и связь самого социального бытия. Субъективность оказывается важным аспектом реализации качеств человека, процессом переживания субъектом своей причастности социальному бытию, реализации субъектом своей самобытности.

В качестве субъекта в социальной философии могут быть представлены не только отдельные индивиды, но и их группы, классы, государство и т. п. Однако практика социального анализа и социологии XX в. показывает, что попытка строить социальные онтологии, т. е. схемы социального бытия, отвлекаясь от человеческих индивидов как субъектов социального процесса, так или иначе приводит к серьезным противоречиям: из теории исчезают люди и их энергия преобразования социальных форм, а социальные системы (и надчеловеческие „субъекты“) приобретают качества квазиприродных сил, стоящих над человеческим бытием.

ТЕКСТ – может быть определен как 1) эмпирическое, чувственное присутствие графических знаков на бумаге; 2) идеальный объект, организация дифференцированных означающих и означаемых; 3) диалектическое снятие и чувственной, и идеальной определенности

ти. Постструктуралистская практика отвергает все три определения.

В какой бы форме не определялся Т. – эмпирической, идеальной или диалектической – всегда предполагается закрытость, замкнутость Т. с четко выделенными внешним и внутренним. В этом случае Т. определяется как тотальность. Но Т. не есть нечто замкнутое на себя таким образом, что его границы отделяли бы внешнее от внутреннего. Т. сам по себе является границей, с точки зрения которой могут быть определены и внешнее, и внутреннее. Значение Т. не исчерпывается каким-то устойчивым референтом, что характеризует его как несамотождественность. Далее, Т. не имеет внутреннего, не тождественен самому себе. Хотя Т. необходимо относится к самому себе, это движение самореференции никогда не завершается именно в силу отсутствия референта.

Понятие Т. может быть успешно применено в социально-философском анализе. Это не означает, что социальная реальность есть не что иное, как лингвистический объект, и, что составляющие этой реальности существуют в силу их лингвистической означенности. Принципы организации Т. могут использоваться в социально-философском анализе исключительно по аналогии. Это означает, что исключаются притязания на тотализацию социальной реальности. Последняя предстает открытой к бесконечным трансформациям, незавершенной, несамотождественной. Исключается возможность референта, „трансцендентального означаемого“, возможность выхода за пределы этой реальности. Соответственно, исключается познание социальной реальности традиционными понятийными оппозициями.

ТЕЛЕСНОСТЬ – понятие, служащее для преодоления традиционных ориентиров метафизического мышления: субъект – объект, единый центр репрезентации, имплицитное превознесение гносеологизма.

Классическая философия так и не сумела преодолеть дихотомию субъекта и объекта, тела и души, трансцендентного и имманентного, внешнего и внутреннего и т. д. Дихотомия эта может быть преодолена, если обратиться к единству опыта, стабилизирующей структурой которого является Т. При этом Т. понимается не как объект, не как сумма органов, а как особое образование – неосознанный горизонт человеческого опыта, постоянно существующий до всякого определенного мышления. Недоступная для рефлексивного анализа, неразложимая по схеме последовательного рационального действия, Т. оказывается изначальной по отношению к природным и культурным объектам, благодаря которой они существуют и выражением которой они являются.

Для Мерло-Понти Т. – „феноменальное тело“, „система возможных действий“, „потенциальное тело“, феноменальное местополо-

жение которого определено задачей и ситуацией. Для Фуко общество есть продукт исторически выработанных взаимообусловленных социальных и телесных практик. Т. оказывается средоточием двух основных форм терапевтической политики: анатомо-политика человеческого тела и био-политика населения. Для Делеза и Гваттари Т. – это „тело без органов“, которое непрестанно разрушает организм, заставляет циркулировать и двигаться незначущие частицы, чистые напряжения. Для Лиотара Т. – это либидинальное желание, его безличность, интенциональность и определяющая власть в отношении фигурального.

В понятии Т. особую нагрузку несет анонимность. Она означает, что Т. как высший синтез и единство опыта имеет свой мир, или понимает свой мир без рационального опосредования, без подчинения объективирующей функции.

ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО – общество, основанное на воспроизведении схем человеческой деятельности, форм общения, организации быта, культурных образцов. Традиция в нем выступает главным способом передачи социального опыта из поколения в поколение, социальной связью, подчиняющей себе личностное развитие человеческих индивидов. Если пользоваться общепринятой терминологией, можно сказать, что Т. о. охватывает развитие до-капиталистических формаций или социальную эволюцию вплоть до начала развития **индустриального общества**. Если использовать гипотезу К. Маркса о трех ступенях истории, отличающихся разными формами взаимозависимости индивидов, можно характеризовать традиционное общество как систему (или системы), где доминируют формы личной зависимости человека от человека. Этим формам соответствует внеэкономическое принуждение, которое и выступает ограничителем личных свобод человеческих индивидов. Т. о. не поощряет индивидуального творчества, и социальные инновации осуществляются в нем как бы сами собою, эволюционным путем на протяжении жизни и деятельности многих поколений.

Т. о. является „закрытым“, „замкнутым“ обществом, оберегающим нормы и стандарты своей культуры от воздействий и влияний со стороны других обществ и культур. Т. о. начинает утрачивать свои позиции по мере развития торговых, экономических контактов между странами, в ходе создания универсальных средств общения, техники и технологии, отделяющей личные связи между людьми от их функций в процессах разделения деятельности. Возникновение машин и индустриальной технологии окончательно подрывает системы личных зависимостей, скреплявшие основные структуры Т. о.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ – направление в социологии, рассматривающее социальный мир как значимый результат повседневной деятельности людей. Феноменология как таковая может быть применена к любой теории, которая признает структурирующую роль сознания, отвергая в то же время дуализм Канта между феноменальным и ноуменальным мирами. Феноменология является конституирующей для социологии в той мере, в какой объекты социального рассматриваются через призму сознания.

Можно выделить индивидуалистический и коллективистский варианты Ф. С. Гегелевская теория может рассматриваться как прототип коллективистской феноменологии. Гегель особенно выделял структуру, непрерывность и развитие сверхиндивидуального Духа. Не удивительно, что с легкой руки Дильтея его феноменология в последующем становится основополагающей для наук о духе. Дильтей называл эту науку герменевтикой. Индивидуалистический вариант Ф. С. берет начало с Гуссерля. Последний признает структурированность социальной реальности, но при этом настаивал, что источником структурированности выступает индивидуальное сознание. Мерло-Понти, Шелер и Шюц с целью согласования феноменологической герменевтики традиционной феноменологией в индивидуалистическом варианте вводят понятие intersubjectивности и жизненного мира.

Поскольку индивидуальное сознание исключительно рассматривается в качестве источника социальной реальности и ее структурированности, отношение между индивидом и структурой оказывается в принципе неразрешимым. Социальная реальность и ее структурированность редуцируются к представлениям индивидов и к многообразным отношениям взаимодействия между индивидами.

ФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫЕ (формацио [латинск.] – образование, вид) – формы связи людей, выработанные ими в процессе социальной эволюции. Не существует логических препятствий для того, чтобы мы называли общественными формациями любые социальные образования от воспроизводящейся социальной системы и до саморазвивающейся человеческой личности. Однако в философском обиходе и в быденном сознании понятие формаций связано с выделением основных ступеней общественного развития. Например, догматический марксизм „ограничил” социальную эволюцию пятью – первобытная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая, – формациями, да еще стремился подогнать конкретное развитие стран под эту схему. Если двинуться по этому, привычному пути, можно отметить у К. Маркса схему трех исторических, ступеней: общество, основан-

ное на личной зависимости людей (т. е. – докапиталистическое), общество, основанное на вещной зависимости людей, и общество, существующее через зависимости, которые образуются индивидуальным развитием людей. В Западной философии и социологии действует близкая по смыслу схема: традиционное общество, затем индустриальное и постиндустриальное (См.). Вместе с тем существует серьезный методологический смысл для сохранения за каждым общественным образованием логической возможности быть понятым как формация. Эта возможность является противоядием макроанализу общества, стремящемуся зачастую растворить явления и события микроуровня в характеристиках больших формаций, свести, например, бытие личности или деятельность науки к характеристикам способа производства и т. п.

В социальной философии XX столетия созрело представление о том, что социальная теория, описывающая большие системы, может считаться полной только тогда, когда она в состоянии описать функционирование и развитие больших систем на уровне бытия и сознания человеческих индивидов.

ФОРМЫ СОЦИАЛЬНЫЕ – формы совместного и индивидуально-его бытия людей, его сохранения и обновления. В плане описательном можно говорить, как о формах социального бытия, о различных способах связи человеческого опыта, о различных комбинациях человеческих сил и их предметных воплощениях. С точки зрения современной социальной философии особый интерес представляют формы связи человеческих усилий во времени и пространстве, формы воспроизводства и развития человеческой истории как схемы деятельности людей, творящих свое повседневное бытие. Таким образом и сами люди оказываются звеньями в цепи социальных форм, прямо скажем, социальными формами, причем не только порождающими другие формы, но и создающими постоянно свое собственное бытие.

Ф. с. являются формами социального процесса, динамическими, реализующимися в деятельности людей формами. Их трудно понять с точки зрения, привыкшей оперировать непосредственно данными формами вещей, их связей и взаимодействий. Процессуальность, развернутость во времени, сокрытость Ф. с. в движении вещей и развитии людей затрудняют их непосредственное восприятие и описание. То что нам представляется непосредственно данной и исходной социальной формой, например контакт людей „лицом к лицу“, обмен вещами, непосредственно совместная деятельность, выступает в качества момента, пространственного выражения сложных переплетений социальных связей, личностных усилий людей, их стремлений и переживаний. Значение этого полифонического потока не в том, что он заслоняет или оттесняет

непосредственно данное бытие людей, но в том, что знание об этом комплексе временных и пространственных форм является важным условием **ориентации** человека в социальном мире. (См. „Метафизика социальная”).

ЭПИСТЕМЫ – исторически изменяющиеся структуры, „исторические априори”, которые определяют условия возможности образований сознания и культуры в конкретный исторический период. Понятие Э. Является манифестирующим в книге М. Фуко „Слова и вещи. Археология гуманитарных наук” (1966; рус. пер. М., 1977).

Фуко выделяет в европейской культуре Нового времени три Э.: возрожденческая (16 в.), классического рационализма (17 – 18 вв.), и современная (с конца 18 – начала 19 вв и по настоящее время). Основной упорядочивающий принцип – это соотношение между „словами” и „вещами”. Именно это соотношение задает мыслительное своеобразие той или иной эпохи. Для Возрождения характерным является тождественность „слов” и „вещей”, для классического рационализма – опосредованность представлениями, для современности – жизнь, труд, язык как интегрирующие онтологические факторы.

Фуко интересуют условия возможности дискурсивных практик в широкой амплитуде их выражения. При этом предполагается фиксировать структуры и зависимости, проявляющиеся на разных уровнях организации сознания и культуры. Общий эффект Э. достигается в силу того, что она включает следующие функции: 1) дает условия формирования рассуждений об объектах знания, признаваемых в качестве истинных; 2) снабжает наблюдения определенными теоретическими возможностями; 3) устанавливает способ бытия объектов в пространстве культуры; 4) вычленяет в сфере культуры пространство возможного знания. Однако Фуко оказывается неспособным объяснить мутации последовательны Э., что приводит к парадоксальным результатам.

Определенное тождество и различие существует между понятием Э. и **парадигмы**. Оба понятия указывают на своеобразие структурных принципов определенной эпохи. Однако если парадигма относится к внутринаучным регулятивам, то Э, вычленяет культурно-исторический срез познавательных установок. (См. „Парадигма”).

ЭТНОМЕТОДОЛОГИЯ – теоретическое направление в социологии, распространяющее методы этнографии в область социальных теорий. Основной предмет Э. – рациональное описание практических действий как текущих практических реализаций. Рациональное описание практических действий возможно в силу того, что сама повседневность носит в высшей степени систематический и внутренне организованный характер. Этот процесс придания текущим событиям свойства организованности и систематичности

называется рефлексивностью. Э. отказывается от традиционного различения субъекта и объекта описания, предмета и средства описания и анализа. Такая возможность основана на том, что Э. при описании текущих событий опирается именно на те методы, посредством которых участники повседневных взаимодействий организуют и систематизируют наличную разрозненность, придавая смысл и значимость социальным явлениям. И поскольку конституирование смысла неотделимо от самого процесса повседневных взаимодействий, последнее может изучаться исключительно изнутри.

Э. различает два типа выражения, используемых как в ходе повседневных взаимодействий, так и при социологическом анализе. Индексичные выражения описывают уникальные, специфические объекты в непосредственной связи с контекстом их использования. Объективные выражения описывают объекты как свободные от контекста, как типические. Поскольку индексичные выражения сами по себе обладают собственной реальностью, роль объективных выражений носит сугубо формальный характер, или же может быть сведена до минимума.

Поскольку для Э. социальная реальность конституируется исключительно в ходе речевой коммуникации, социальная референция вводится только как нечто остаточное, что теоретически не выдерживает оправдания.